

18+

Миша Сланцев

РОЖЬ
ВО СПАСЕНИЕ

Миша Сланцев

Рожь во спасение

«Издательские решения»

Сланцев М.

Рожь во спасение / М. Сланцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-537475-2

В сборнике отразилась жизнь российской провинции и действующих или бездействующих лиц, прототипами которых стали наши современники. В книгу вошла повесть «Рожь во спасение», навеянная темой домашнего изготовления алкогольных напитков. Между прозаическими текстами размещены лирические интермедии — стихи Андрея Цухлова, который взял для прозы псевдоним «Миша Сланцев». Таким образом, эта книга — воплощение раздвоения авторской личности на прозаическое и поэтическое составляющие творчества.

ISBN 978-5-00-537475-2

© Сланцев М.

© Издательские решения

Содержание

«Вещицы» от Сланцева	6
Дорожная карта кота Батона	9
Глава 1. На подступах к минобру	9
Батон первый, блаженствующий	13
Глава 2. Согласно штатному расписанию и служебному распорядку	14
Батон второй, рефлексирующий	19
Глава 3. Педагогический форум	20
Батон третий, усомнившийся	24
Глава 4. Другая дорога	25
Батон четвертый, улетающий	28
Глава заключительная, а может, и нет. «Дорожная карта»	29
Топот котов	30
ВОРЧУНЫ	32
«Осенний выдержан регламент...»	41
ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ	42
Ленка Сумчатая	42
Рядовой Парамонов	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Рожь во спасение

Миша Сланцев

© Миша Сланцев, 2021

ISBN 978-5-0053-7475-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Вещицы» от Сланцева Вместо предисловия

Когда поэт обращается к прозе, это всегда на пользу музе. Ведь тот, кто вострил свое перо в стихах, знает цену свежим образам, краткости таланта и живым деталям, которые – будто кислород для сотворения новых миров.

Андрей Цухлов – известный ульяновский поэт. Его стихотворения мне нравятся, это правда: в них светятся юмор и мягкая ирония, черты настоящего и милого прошлого. От них хочется жить, их хочется перечитывать... Но проза? Проза – это другое. Тут другой ритм восприятия, совсем иной подход к писательской работе и, конечно, новая аудитория, новые читатели. Признаюсь: привыкать к «прозаическому Андрею» мне было сложно. Всё почему-то думалось, что не его это стихия, здесь он не тот, какой-то непривычный. Не случайно, что автор даже сменил себе имя для рассказов и повестей, превратившись в Мишу Сланцева.

Но потом моё мнение изменилось. Почему? Да потому, что сланцевская проза увлекает. Есть в ней то, чего нельзя найти в стихотворениях Цухлова: муза его – поэтическая, с взлохмаченной головой и легкой поступью – вдруг обрядилась совсем в другие одежды. Помятый пиджачишко мелкого чиновника Павла Ключкова из «Кота Батона»; садово-дачный «прикид» обычного горожанина Егора Колобова из «СНТ „Яблонька“»; потёртая сумка почтальонки Лены из «До востребования». Всё это – по-чеховски точные приметы новых героев, обычных людей нашего времени, которые ежедневно катаются на маршрутках на нелюбимую работу, думают о зарплате, ускользают от жён в гаражи, ошибаются так, как ошибаемся мы все – в покупках, в выборе друзей и... судьбы.

Вместе с новой одеждой муза Андрея Цухлова приобрела и другие атрибуты – к примеру, отличный небольшой сатирический хлыст и новую оптику – этакий микро- и макроскоп, превращающий повседневные детальки бытия в фантастические картины, которые позволяют уловить в реальности то, что ускользает от среднего наблюдателя.

Вот, к примеру, рассказ «СНТ Яблонька». Двое приятелей отдыхают на даче и мирно беседуют за «рюмкой чая». О чём? Да обо всём на свете – о том, о чём обычно говорят мужчины: о политике, о детстве, о том, что раньше камни были тверже, а деревья выше.

А потом главный герой – Егор Колобов – возвращается домой на стареньком ПАЗике вместе с другими дачниками-пенсионерами. Ну и что? Что тут такого? Да вот только возвращается он совсем в другую реальность и иное время – в страшный мир параллельного Белогорска, родного городка Егора. Из лета – в зиму, из мира людей – во вселенную странных синих созданий с хоботами.

«Сотрудница ЗАГСа выглядела любопытно. Тело вроде было человеческим, а вот лицо... Она словно надела на себя дурацкую маску синего цвета, вместо носа болтался небольшой хобот, глаза были огромные, уши по-заячьи свисали. Складки, морщины, ни одного волоса. Цвет кожи рук и шеи тоже был синим. Огромный рот, как рана от сабли, перекашивал лицо под углом в 45 градусов. Мясистые губы шлёпали друг об дружку, как два слипающихся блинчика».

Что ожидает читатель после такого описания? Наверное, особого поведения хоботливых созданий, чего-то необычного, инопланетного. Но что это? Что это там говорит инопланетная «сотрудница ЗАГСа»?

«Создавая семью, вы добровольно приняли на себя великий долг друг перед другом. Перед началом регистрации прошу вас ещё раз подтвердить, является ли ваше решение стать супругами, создать семью искренним, взаимным и свободным, – синяя с хоботом наискось улыбнулась и, казалось, опоясала ртом всю свою физиономию.

– Прошу ответить вас, невеста.

- Да.
- Прошу ответить вас, жених.
- Да...».

Фантастика, фантастические персонажи почти везде у Сланцева ведут себя именно так: они заостряют, гиперболизируют едва заметные черточки и штрихи обычной реальности. Слишком у нас замылился глаз на повседневность, слишком быстротечна наша жизнь, и ее детали – ускользают.

«Клочков приехал на работу сегодня раньше всех. И это хорошо. Никто не отчитает за опоздание и притом можно посидеть десять минут в тишине. Именно тишины так не хватало в этом кабинете, не говоря уже о покое. И ладно бы все чем полезным бы здесь занимались, а то ведь бумажки плодят, никак не влияющие на жизнь, на школьников, на их родителей, на учителей...».

Это описание одного рабочего дня из жизни Павла Петровича Клочкова – героя «Дорожной карты кота Батона». Таких обычных дней у каждого из нас – хоть отбавляй. Но как подаёт это автор? Здание Минобра вдруг превращается в арену компьютерной «игры-стрелялки», где начальники – злобные монстры-полубоги, а офисный планктон типа Клочкова – геймер, задача которого – выжить любой ценой. Образ главного героя параллелится с ещё одним персонажем повести – вальяжно-толстым котом Батоном. Он, как и Павел Петрович, постепенно осознаёт, что так жить дальше нельзя: нужно меняться, надо взлететь, перепрыгнуть через самого себя. Иначе – смерть духовная и душевная, иначе размеренный ритм «дом – работа», «от дивана – к тарелке» задушит и убьёт самое лучшее, бытие протухнет и обесмыслится.

Фантастика есть и в ключевом произведении сборника – повести «Рожь во спасение». Там она предстаёт в форме видения героя Ивана Окрошина – охранника в супермаркете, которому вдруг открылась почти апокалиптическая истина: изменить всё вокруг к лучшему можно через простое увлечение, хобби, через обыкновенное желание сделать хороший продукт – для себя и своих друзей.

В видении Окрошина мир преобразуется через самогоноварение – сотворение качественного алкогольного напитка, который пусть и чуть-чуть, но приоткрывает заветные глубины русской души и национальной идеи.

Конечно, это еще и сатира, причем сатира умная, зацепляющая в свой круговорот, невероятное самогонное «варево», все важные и актуальные подробности дня сегодняшнего – от плохих, поддельных продуктов из супермаркетов до взаимоотношений России с Китаем и США. Именно в этом особом сланцевском сочетании – макроскопической фантастики и повседневной сатиры – и заключается, на наш взгляд, ключевая черта прозы Андрея Цухлова.

Вообще, сам этот сборник – очень гармоничный, это не солянка из разных текстов, а произведения с похожими героями и стилем. Там везде просвечивает главный образ – homo normalis, человека обычного, не сказать что «маленького», но своего, похожего на меня и на тебя, того, с кем можно пропустить рюмашку, кому можно позвонить в любое время дня и ночи...

Но, конечно, не всё так просто. За ним, за обычным Егором, за мной и тобой, таится и Неегор – подсознательная, тайная, хоботливая часть нашей повседневности и души.

С ней не обязательно нужно бороться, но лучше всё-таки знать о ее существовании, контролировать её и изучать. В ином случае настанет день, когда вы сядете в очередную маршрутку или старенький дачный автобус и до своей остановки доедете уже совсем иным человеком – постаревшим, с потускневшим взглядом. И вопрос, главный вопрос – а зачем мы все здесь, на что это я потратил эти 60—70 лет отпущенного мне срока – обязательно возникнет. И каждому из нас так или иначе придется на него отвечать...

Кто знает – может, цухловско-сланцевские «вещицы» помогут нам в этом?

Евгений Сафронов, кандидат филологических наук, член Союза писателей России

Дорожная карта кота Батона

Глава 1. На подступах к минобру

«Почему-то все ему завидуют...», – думал мелкий госслужащий Ключков Павел Петрович, держась за поручень в маршрутке №56 на пути к ненавистой работе.

Неприметный клерк в региональном министерстве образования. Женский коллектив, состоящий из дам не первой свежести, но исключительной ядовитости. Это увядание было не скрыть ни духами, ни туманами, ни макияжем, ни – о, ужас, на себе не показывай, – уколами гиалуронкой. Это ещё не самое тошнотворное слово, которое Ключков узнал за пять лет работы в гадюшнике, который официально именовался «управлением по надзору и контролю в сфере образования». Часто гадюшник плавно трансформировался в курятник, галдящий, причитающий и охающий. Но самый частый образ места работы Ключкова, который приходил ему на ум, – большущая многоэтажная конура для собак. Увы, Павел Петрович по скромности характера не хотел быть ни укротителем змей, ни петухом, руководителем куриц, ни директором мегаконуры. Но природная робость и боязнь перемен не позволяли ему сменить род деятельности и даже её вид. Поэтому изо дня в день, из года в год он ездил в своё управление, которое непонятно чем управляло, в царство злобной женской энергетики и бесконечных отчётов, сведений, цифри. Вот и сегодня...

«Понятно, почему завидуют, – размышлял Ключков. – Потому что этот жирный котяра только спит и жрёт, жрёт и спит. Ладно в лоток аккуратно ходит, хотя, если вовремя за ним не убрать, может и не в лоток, были прецеденты. Сложно встретить совсем „беспрецедентного“ кота, который бы сам ходил в унитаз и пах фиалками. А жрачку ему особую подавай: спецкорм в пакетиках – „с курицей“, „с уткой“, „с кроликом“. Неужели для этих питомцев специально кроликов забивают? Или уток разводят? Что-то не верится. А от нормальной, „человеческой“, еды он нос воротит, только специальную, в гранулах, подавай ему! Это самый вкус, самый смак – точно туда подмешивают что-нибудь, какие-нибудь кошачьи наркотики. Ведь наверняка оборот наркотиков для котов никак не регулируется, а они только мяукают да кайфуют от своего корма. И попробуй не дай ему – будет орать благим кошачьим матом, всю душу вывернет, так что все дела бросишь и поплетёшься в магазин. Сколько только на корм за эти годы денег набежало, то есть убежало, можно было бы за границу съездить... Вот это жизнь! И все умиляются: какой он у вас толстый!».

Ну, да, видимо, в этом смысл существования котяры – быть упитанным. Недаром он с гордостью и даже с превосходством (да что с превосходством, – с презрением к окружающим) носит своё имя, данное четыре года назад женой Павла Петровича Ирой, – Батон. Цветом Батон был чёрен, как южная ночь, поэтому иногда это животное именовалось Батоном Чёрного. Не булгаковский Бегемот, конечно, не сказочный Кот Баюн, тут всё реально, буднично и повседневно, никакого волшебства – кормёжка, сон, кино (наблюдение с подоконника за воробьями, голубями или воронами, в зависимости от жанра заоконного «фильма»), посещение лотка, громко, чтобы все домочадцы слышали, – и так по кругу. И вот что Ключкова удивляло: по всем признакам, такая жизнь полностью устраивала Батон Батоныча (ясно, что его родители тоже были толстые и не утруждали себя охотой за мышами в подворотнях). Он не рвался на улицу в марте, он не хотел туда в сентябре, его не интересовали кошки вообще. А ведь над ним не совершал надругательства ветеринар. Впрочем, кота не покидал охотничий инстинкт. Он был здоров и прыток. Его всё устраивало, и ему ничего «такого» не хотелось, зов природы проходил мимо его заостренных ушей. И поздно было начинать жизнь новую: дикую, дерзкую и свободную. Безвозвратно прошла пора, когда котенок Батончик думал (или думал,

что думал) о том, что впереди будет столько событий, новостей, побед и подвигов, по следам которых менестрели сложат баллады, сценаристы задумают фильмы, поэты засонетятся, затеряются, воспевая его батонистость. «Нас и тут неплохо кормят!» – эта цитата из мультлика была всегда написана на его наглой чёрной морде, которой все гости Клочковых так восхищались. А дочка Клочковых, восьмилетняя Маринка, курносая и веснушчатая, любила взвешивать Батона. Поставит его на весы и радостно кричит: «Три семьсот! Потолстел на сто граммов!» и давай его опять таскать-тискать.

«Я – как Батон, мне уже ничего не нужно. Я тоже не мечтаю о переменах, о новой работе, о свободе за пределами министерства. Я – цирковая лошадь, которая ходит по кругу за пригоршню овса, и все пялятся на меня, хлопают в ладоши, наездницы тычут в бока шпорами, хлещут плётками, а зрители заплатили, они хотят видеть представление, скучное и никому не нужное, согласно купленным билетам. С детства ненавидел цирк. В нём мучают животных, в нём клоуны со страшными разрисованными рожами, с красными носами, в башмаках карикатурного размера смешат публику, и все хохочут, хотя ни капельки не смешно. Акробаты эти с гимнастками, сильные и гибкие. Ну, сунул ты башку в пасть льва, ну, не откусил он тебе её, проявил милость – дальше что? А то, что твоя голова для того и предназначена, чтобы помещать её время от времени в зловонную оскаленную пасть. И в этом смысл твоего существования – таким вот образом распоряжаться башкой, чтоб зрители смотрели, чтоб «лайки» в Интернете собирать. И зарплату получать, иногда с надбавками и премиальными. А потом за кулисами утираться от упрёков руководителя «труппы» – Максимгеннадича. «Что-то вы сегодня, Павел Петрович, без энтузиазма как-то с львиной пастью работали... Не было у вас в глазах испуга, страха. Привыкать начинаем? Вы уж того, не расхолаживайтесь. А то в свете грядущей оптимизации штатной численности, знаете ли... Или в фокусники переведём, будете кроликов из шляпы доставать. А с ними сложнее, по ним отчётность знаете, какая? Знаете. Или сбегут, или размножатся внепланово. А если тебе, Клочков, нельзя доверить кроликов, то разве может идти речь о распиливании женщины в ящике, о втыкании в неё шпаг? Здесь ответственность на порядок выше». «Честно говоря, иногда я бы распилил бы парочку своих сослуживиц. Да если и воткнуть в них чего, то разве что шпагу». «Эх, Клочков, Клочков, вырабатывай в себе стрессоустойчивость, ты ж бывший педагог, работаешь с бывшими педагогами, а такие мысли допускаешь...».

«А что мне остаётся делать, – только „допускать мысли“. Вот если бы по дороге музыку слушать или аудиокнигу, тогда бы и мыслей было бы меньше. А кот, собака такая, опять провод от наушников сгрыз. Как будто не кормят его. Теперь опять покупать новые, одни убытки. Эх, Батон, лежишь сейчас, в ус не дуешь, а мне опять ехать, исполнять служебные обязанности. И все-то твои обязанности – быть котом, и этого достаточно, чтобы жизнь состоялась. Из интернетовских демотиваторов: „Вот я – кот. А чего добился ты?“. А добился я того, что пора выходить из маршрутки №56 и начинать очередной рабочий день».

Клочков приехал на работу сегодня раньше всех. И это хорошо. Никто не отчитывает за опоздание, и притом можно посидеть десять минут в тишине. Именно тишины так не хватало в этом кабинете, не говоря уже о покое. И ладно бы все чем полезным бы здесь занимались, а то ведь бумажки плодят, никак не влияющие на жизнь, на школьников, на их родителей, на учителей. Впрочем, нет: жизнь у них усложняется, потому что в ответ на министерские директивы, инициативы и прочие указивки учителя после уроков и внеклассной работы должны писать свои отчёты, проводить «мероприятия», реализовывать рекомендованные планы по учебной и воспитательной деятельности в целях развития знаний, умений и навыков. Одна бесполезная работа порождает другую, один начальник отчитывался перед другим, а показатели успеваемости, согласно статистике, из года в год снижались. Чего-чего, а результаты ЕГЭ здесь отслеживались четко.

Восемь минут.

Компьютер ожил, на экране появилась заставка – фото: домик, построенный каким-то чудом на островочке, метров пять квадратных, посередине быстрой речки. Это в Сербии, на реке Дрина. Это как же надо было достать человека, чтобы он соорудил себе такое убежище. Но Ключкову некуда спрятаться, у него не было такого домика. Его домиком были наушники, они изолировали внешний звук, заполняя мозг музыкой, новостями. Но это бесит начальницу управления Фаину Петровну, потому что бывает, что до Павла Петровича тогда не докричаться. Потому что выслушивать женский гомон невозможно, не слушать – тоже нельзя, вдруг что по делу скажут, особенно Фаина Петровна, чтоб её. С ней было всё просто – она постоянно сидела на разных диетах, лишала себя удовольствия съесть то да сё, потом всё же срывалась, набрасывалась на возделенное и была злая – сначала оттого, что отказывалась (от сладостей, мучного, жареного, мяса), потом оттого, что нарушала табу. А виновный в её терзаниях и страданиях быстро нашёлся, потому что он подчинённый. «Ты виноват лишь в том, что хочется мне кушать». А ещё потому, что все мужики – козлы, им только стройненьких да молоденьких подавай. А Ключков и на козла-то как следует не тянул, разве что на козлёнка, жертвенного такого. Его распекают, а он бекает.

Пять минут.

Это много или мало? Перед началом работы – мало, потому что тают они, как шоколадки во рту Фаины Петровны. Потому что это обречённые минуты.

Четыре минуты.

Ключков представил своё прибытие на работу, как компьютерную игру-стрелялку. И так, у него пять жизней, разный набор оружия. Задача квеста – пройти все ужасы, убить всех коллег и начальников (зомби и монстров), сдать отчёт, сохранить нервную систему на уровне не ниже критического. Награда – оклад, премия и отпускные.

Три минуты.

Фантазия заработала. Сначала на экране – предыстория, либретто. Показывается мрачное здание советской постройки, серое, безликое, геометричное, над ним в тёмном небе гремит гром и сверкают молнии. На входе табличка: «Министерство образования и науки N-ской области». Звучит загробный голос из фильмов ужасов: «В одном далёком-далёком Управлении издревле жили чудовища, которых рождал сон разума. Всяк входящий сюда терял человеческий облик, становился злобным существом с пёсией головой, поедающим других, а потом и себя. Но нашёлся один герой – ну, как герой, геройчик, терпила, который решил выжить в этой обители зла, подстав и унижения, который каждое утро входил в эти ворота, проходил все круги, все уровни, все левелы прелестей Министерства образования, и выходил из него потрепанный, но непобеждённый. И так продолжалось изо дня в день, из года в год, согласно служебному распорядку и должностным инструкциям. Пока не настал этот День. День Отмщения и Гнева...». Enter. Главное действующее лицо – чиновничек в костюмчике. В галстучке. Маленький, как домовёнок Кузя. Так, пять жизней. Из вооружения – служебное удостоверение, портфельчик, в нём – два отчётика, три распоряженьица, десять листиков согласований. Негусто. Легкое вооружение – двадцать «контролек», то есть мелких поручений, за которые надо обязательно отчитаться перед большими монстрами. Из средств защиты – иногда помогают, но слабо – валидол, валерьянка, носовой платок. И так, клавиши со стрелочками. Входим. На вахте ещё не монстр, а так, подмонстерье, – охранник Георгий. И ведь прекрасно Ключкова знает, но всегда удостоверение требует. Иногда чем монстр мельче, тем он противнее, потому что плох тот монстрёнок, который не мечтает вырасти в нечто большое и жуткое. На ему ксиву в нос! Нейтрализован. Скорчил рожу, на турникете загорелся зелёный, дверцы открылись. Вахтёр тут не главный, лучшее, конечно, впереди. Коридор.

Опасность коридора в том, что из разных дверей может в любую секунду высунуться служащий или служащая и ранить тебя убойной и вонючей туалетной водой, режущим взглядом, коварной сплетней. И точно – рожа Таисьи Николаовны из отдела по методическому обес-

печению учреждений дошкольного образования, на ней тонна косметики, у неё полнеющее тело и патологическая ворчливость. Против неё применяется ложный комплимент «Доброе утро! Вы сегодня прекрасно выглядите!». Пока этой фразой Таисьи Николаовны парализована, не успевает очухаться и обидеться на слово «сегодня», двигаемся вперёд, контролируя коридоры и экономя боеприпасы. Так, а теперь – монстр-мужик, собственной персоной Самый Главный – Максим Геннадич. С ним ничего не сделаешь, он непобедим, ни одно оружие его не берёт – ни пулемет, ни холера, ни ответственное исполнение поручений. Здесь элемент случайности крайне высок: если он в «нехищном» расположении духа, то не укусит, пройдет мимо, но это ничего, это съест нервно-энергетической силы лишь 5—10%. Но если он злой – то всё, гейм-овер, размажет так, что игру надо будет начинать заново, на следующий день. И самое главное – чтобы столкновение с Максимом Геннадичем не окончилось микроинфарктом. Итак, здороваемся и мимо. Минуй нас, как говорится, пуще всех печалей... Прём в рабочий кабинет. Вот тут придётся отбиваться от горгон, ехидн и химер в течение восьми рабочих часов. Продолжаем, заняв оборонительную позицию за столом, спрятавшись за монитором. Появляется нечисть: Фаина Петровна, начальник отдела, увесистая тётя, излучающая массу дурной энергии. Катерина Львовна, ведущий специалист, вечно всем недовольная, в районе сорока пяти лет, норовящая сбросить свои обязанности на коллег, Агния Афанасьевна (Клочков про себя называл её Барто), выходец из учителей младших классов, она относилась ко всем окружающим, кроме начальства, как к неразумным детям, которых надо воспитывать, поучать и контролировать. И Леночка, безобидное и безропотное существо, вполне симпатичное и достаточно юное, непонятно за какие грехи попавшее в эту жуткую Игру. Будь Клочков раскрепощённое, он, может, и завёл бы интрижку, но боялся зорких любопытных коллег, да и не стоило, наверно, оно того. Засмотревшись на секунду на Леночку, Клочков тут же попадает под перекрестный огонь Фаины Петровны и Катерины Львовны, он корчится в муках и окончательно расстаётся с компьютерной жизнью от контрольного звонка в голову от Максима Геннадича. От Клочкова остаются клочки по закоулочкам, – кровавые отшмётки, галстук, портфельчик, бумажки его отчётов, посвященных контролю в сфере образования, – всё это разбросано по кабинету, его стол – дымящиеся головёшки – уже непригоден для мониторинга педагогической деятельности в отдельно взятом субъекте РФ. Не удалось выжить. В следующий раз, может, больше повезёт.

Две минуты.

Одна.

– Как у нас жарко!

С этими словами, вместо «здрасьте», вошла Фаина Петровна. Она всегда входила с этими словами. День начался.

И однажды начавшись, этот день не заканчивался. Он был бесконечен – каждую неделю, каждый месяц, каждый год. День Клочкова был колесом, в котором ехала одна и та же маршрутка №56. В ней звучала одна и та же радиостанция со старыми песнями о главном, это было ретро 80-х и 90-х. Эти песни проигрывались вновь и вновь, и завтра они будут, и послезавтра, будут те же лица пассажиров. И, конечно, коллеги по работе, которые служили в управлении со времен палеолита и будут гонять свой чай и обсуждать всё подряд до своей пенсии, после пенсии и даже после ядерной войны, которая вряд ли помешает привычной деятельности регионального министерства образования.

Батон первый, блаженствующий

Государь Котовасии и Верховный Правитель всех котов, кошек и котят, Его Мяучество Батон Восемнадцатый сегодня посвятит свой день важному мероприятию. После церемонии завтрака он взгромоздится на подоконник и начнёт услаждать взор весенними птичками. Воробышки шмыгают по веткам, щебечут и летают так близко, что, кажется, вот-вот влетят в открытую форточку, из которой веет весной. Батон представил, как он крадётся по земле, прижимая уши, шевеля усами, прячась в молодой травке. Прыжок! И беспечная птичка уже трепыхается в его лапах. Впрочем, губить он её не будет, не царское это дело. Пернатое улетит и будет сегодняшнюю дату считать вторым своим днём рождения.

Хорошо быть котом! Особенно главным среди котов. Обслуга из людей кормит тебя по первому требованию, гладит тебя, убирает за тобой лоток. А ты только ходишь по дому, ловишь восхищенные взгляды, фразы преклонения: «Батончик! Батончик хороший! Толстый!». Не понимаю, почему некоторые людские кошки, их ещё сами люди женщинами называют, жутко комплексуют, если они толстые. Пытаются влезть в одежды, и когда у них это не получается, расстраиваются: «Кошмар, я поправилась на два килограмма!». Где тут кошмар, в чём трагедия? Поправилась же, а не заболела! И для чего эти людские кошки придумывают себе все эти заморочки, все эти одежды?!

Вот я – толстый кот.

И мне хорошо.

Ещё немного полицезрею пташек и вздремну часок-другой. А люди, слышал, ещё на работу ходят, и на этой работе волнуются. Ещё одно глупое человеческое изобретение, кроме одежды, – работа. На ней, говорят, аппетит портится. А главное в жизни – это аппетит.

Я чертовски прекрасен. Я лучший котяра во Вселенной. Умиляйтесь, поглаживайте, торгайтесь.

Глава 2. Согласно штатному расписанию и служебному распорядку

– Как у нас жарко!

Фаина Петровна явилась с новой причёской, и это сегодня должно стать одним из предметов для обсуждения. Клочков поздоровался и ничего не сказал про причёску. А что тут скажешь? К злобному лицу и противному характеру ни одна причёска не шла, говорить дежурные комплименты не было никакого желания, не канун Восьмого марта. Да, перед Международным женским днем здешние обительницы кабинета вдруг вспоминали, что они «слабый пол», наряжались расфуфыренной обыденной, были добрее и даже пытались неуклюже кокетничать: «А не нальёт ли наш единственный мужчина дамам шампанского?!». Конечно, нальёт. В этот день он ещё более пресмыкающееся существо, чем обычно. Нальёт, куда он денется. Максимгеннадич централизованно поздравит всех дам министерства – «от лица сильной половины в преддверии светлого весеннего праздника хочется пожелать здоровья, счастья и тепла близких». Всем будут подарены типичные тепличные тюльпанчики, потом все разойдутся по своим отделам, Клочков возьмётся за разливание шампанского, а дамы будут соревноваться в том, чей салатик вкуснее. «А это, Агния Афанасьевна, у вас селедочка под шубой? С майонезом? Не люблю майонез, он сейчас весь ненатуральный...» – «А это у вас салат с чесноком? – Что вы, никакого чеснока. – Не может быть!». Но чем был прекрасен день Седьмое марта – он был официально коротким, и можно было попасть домой пораньше.

Вот какие мысли навеяла причёска Фаины Петровны.

– Доброе утро, коллеги! – это уже Катерина Львовна, некогда учитель русского языка. Каждое утро она ругает или водителей маршруток, или их пассажиров. То один мужик попадётся пьяный, то от другого плохо пахнет, то молодая девка место уступать не хотела, то рядом женщины громко болтали. «Я ехала-ехала, и всё, моё терпение лопнуло, я говорю им: послушайте, вы не могли бы говорить потише, мне неинтересны подробности вашей личной жизни! А они мне (когда Катерина Львовна голосом изображала другого человека, её интонации становились особенно противными): «Не ваше дело! Не нравится – езжайте на такси!». Я говорю: «Послушайте, это моё дело, на чём ездить, а вам бы следовало научиться грамотно изъясняться. Нет такого слова – «езжайте». А они, хамки, мне, такие: «Мы сейчас тебя пошлём в место, для которого точно слова не придумали, а если уже придумали, то не успели поместить в словарь Ожегова...».

Однако в этот раз надо было сначала отдать словесную дань причёске: «Фаина Петровна, вы прям помолодели! Ну-ка, повернитесь! А где, у какого мастера? Мелирование просто чудо!».

К похвалам и славословию присоединились Агния Афанасьевна и Леночка. Тем самым они избежали замечания от Фаины Петровны за опоздание на пять минут. Растроганная начальница объявила о начале производственного совещания. Оно состояло из монолога Фаины Петровны и угодливых поддакиваний и кивков остальных обитателей кабинета.

«Итак, рассмотрим наши текущие вопросы. Напоминаю вам, что через неделю – первомайская демонстрация. Явка, сами понимаете, строго обязательна, неявившиеся будут писать объяснительные вплоть до депремирования. Наше министерство пойдёт отдельной колонной, вы, Павел Петрович, как мужчина и в качестве поручения понесёте флаг. Далее. Завтра, напоминаю, ответственное мероприятие – региональный педагогический форум. Регламент уже доступен. Мы все должны быть в числе участников, тем более что губернатор будет вручать почетную грамоту Максимгеннадичу. Потом Максимгеннадич вручит благодарственные письма выдающимся педагогам. Мы все должны активно аплодировать. От вас, Павел Петрович, жду отчета по результатам реализации проекта «Электронный дневник» в среднеспе-

циальных образовательных учреждениях нашей области. Есть сведения, что педагоги проявляют недовольство, якобы им приходится тратить свои выходные и в Интернете заполнять формы по оценкам знаний, умений и навыков. Необходимо развеять такие сомнения и ещё раз подтвердить целесообразность этого проекта. Напомним, что именно наше управление выступило его инициатором, и мы не вправе допустить его дискредитации в глазах вышестоящего руководства. Поэтому, Павел Петрович, саккумулируйте все сведения по заполняемости электронных дневников, стрясите с директоров не только статистику, но и положительные отзывы, организуйте в СМИ кампанию по поддержке электронных дневников. Наша задача – учёт и контроль, формирование актуальных и действенных механизмов мониторинга в сфере образования. Нам за это, напомню, если кто забыл, зарплату платят, аванс, поднимают коэффициенты...

Теперь далее. Из управления региональной политики нам спущена контролька, мы обязаны представить информацию о состоянии нашей профсоюзной организации, о количестве членов, о наличии коллективного договора. Нам настоятельно рекомендуется создать комиссию по анализу деятельности профсоюзной организации, провести анкетирование сотрудников и направить вверх результаты. Насколько я понимаю, этим у нас займётся Леночка, Павлу Петровичу, боюсь, не хватит ответственности и терпения.

Леночка покорно кивнула и захлопала ресничками. Павел Петрович тоже кивнул: терпения, правда, может и не хватить.

– Но у нас в профсоюзе на всё министерство членов всего три человека, – заметила Катерина Львовна.

– Катерина Львовна, это никого не интересует. Контролька – это святое. И наша с вами задача – её «закрыть».

«Это вообще смысл нашей жизни», – добавил про себя Павел Петрович.

Клочков машинально блуждал взглядом от окна, за которым пробуждалась весна, набухали почки и резвились воробушки, к несколько излишнему вырезу на костюме Фаины Петровны. «Интересно, – подумал Клочков, – как из юных прелестных бабочек вырастают такие бабы-гусеницы». Он перевёл взгляд на Леночку – вот она и правда хороша, без особой косметики, в строгом костюме, под которым многое угадывалось.

Неожиданно Павел Петрович почти отключился, и у него в голове замелькали слова, и показалось, что они звучат как стихотворение. И было это примерно так:

«На скучном – аж до отчаянья – присутствую совещании. Повестка и ряд вопросов. Ключу сквозь дремоту носом. Регламент: ни влево, ни вправо. Докладчик бормочет вяло. Здесь просьба представить отчёты, внести в протокол чего-то. А за окном-то – веснища! И щебетом воздух насыщен. Коктейль: воробы и солнце. Всё брызжет, сверкает, смеётся! А что – и у птиц со-вещание, со-клёкот, со-стрекотание. Повестка у них прекрасная: с вопросом единственным – «разное». Они беззаботны, им – весело, у них же – весенняя сессия. Направят воззвание на имя небес голосами своими, чтоб жить было клёво, крылато. К чему им, пернатым, зарплата? И пусть далеко до июня. Они – гомонят, гамают! И мне (снисходительно малость иль снислестально), каюсь, слышалась ли, показалась усмешка: «Эх, ты, homo sapiens!».

– Павел Петрович, я для кого рассказываю? – тоном строгой училки спросила Фаина Петровна и покачала своими сочленениями. – Я два раза повторять не буду. Отчёт должен быть сдан к пятнице. И ещё: в течение двух дней нам надо утвердить и подписать в отделе кадров график отпусков.

При слове «отпуск» у Клочкова заныло сердце. Одна двенадцатая настоящей жизни, совсем не той, служебно-унылой, нервной и унижительной, а светлой, с дальними краями, солнечными странами, перелётами, магазинами дьюти-фри, и даже дачей, где копанье в земле – радость, где сбор ягод и фруктов – благо, где пиво вечером и шашлычок – величайшее из наслаждений. Скоро ли? Через три месяца... Целая вечность, можно не дожить. А если

не дожить – ради чего все эти мучения? Опытные коллеги говорили, что всё это ради повышенной пенсии. Достойная цель, нечего сказать. Смысл из смыслов. Господи, как страшно, когда отрываешься от бумаг и клавиатуры, и начинаешь думать...

Но думать мешали. Совещание окончилось, открыв шлюзы обычным разговорам внутри отдела.

– Девочки, – обратилась к возрастным коллегам Катерина Львовна. – Оказывается, не нужно считать калории, успевать есть до шести и ограничивать себя. За день, я прочитала, необходимо съедать два стакана сырых или варёных овощей: допустимы все виды листового салата, капусты, зелени и пряных трав, огурцы, кабачки, помидоры, репа, баклажаны, сладкий перец, оливки. Исключение – картофель, кукуруза, зелёный горох...

– А я пока решила вообще отказаться от мяса, – мгновенно поддержала разговор Агния Афанасьевна, – и такое ощущение, что стало как-то легче, самочувствие улучшилось. А я вот читала, что надо обязательно принимать пребиотики и пробиотики.

– Всё это пропаганда и реклама, не надо читать Интернет, – наставительно подключилась Фаина Петровна, оторвавшись от Интернета. – Тут, кстати, пишут, что офисные кондиционеры опасны для здоровья. В них размножаются опасные бактерии, и потом они попадают в воздух, и мы ими дышим.

– Ничего подобного! – взбудоражилась Катерина Львовна. – Их моют специальным раствором, я знаю!

– Чё ты знаешь?! – вскипела в ответ Фаина Петровна. – Всё-то она знает! Говорю тебе – там живут бактерии, которые потом оказываются в лёгких!

– Вы всегда со мной спорите! – то ли оборонялась, то ли нападала Катерина Львовна, – Я знаю, вы думаете, что я и во Франции не была, всё придумала, а я просто не показываю личные фотографии, потому что это – примета плохая, могут сглазить!

– А я тут последние фото Пугачёвой видела – это безобразие. Потолстела, кожа висит. Как с ней Галкин живёт?! – кинула в костёр перепалки новую тему Агния Афанасьевна.

– Ну прям живёт он с ней! – запричитала Фаина Петровна. – У самого поди тыща любовниц, а с Пугачёвой – так, для телевизора, чтобы люди не забывали.

– А Лариса Долина ничего выглядит, – это уже Катерина Львовна. – Ну, подтяжку, наверно, сделала, золотые нити вставила, на диете сидит кремлёвской, денег-то куры не клюют...

– Зато, говорят, характер у Долиной отвратительный...

– ... А смотрели вчера «Секрет на миллион» с Лерой Кудрявцевой? Оказывается, у Кристины Орбакайте был курортный роман...

– ... Не люблю Леру Кудрявцеву, какая-то она деланная, ненатуральная, вопросы глупые задает...

– Агния Афанасьевна, давайте перестанем худеть. Оказывается, британские ученые нашли связь между потерей веса и развитием слабоумия...

– ... И всё-таки в кондиционере вирусы...

– А вы берёте колготки сколько ден? Из нейлона, шёлка или спандекса?..

– ... Ненавижу маршрутки с утра. Там бывают мужики, от которых пахнет...

– ... А я вчера себе салатик сделала, фасоль, петрушка, оливковое масло свежего отжима. Муж сказал: чё за силос, ешь сама...

– ... А тут, говорят, в отделе по надзору у Татьяны Васильевны Галкиной с сердцем плохо стало. Говорят, прямо в министерство «скорую» вызывали. Говорят, с больничного может не выйти...

– ... Да, с молочкой, конечно, беда. Ни творога, ни сыра, ни молока. Все лекарства поддельвают. Вода плохая.

– А у меня, девочки, такие гортензии распустились.

- А я не люблю гортензии!
- И какие у тебя претензии к моей гортензии?
- А я тут такую блузку видела, обалдеть! Такой шифон!
- ... А меня, наверно, сглазили. Как на работу прихожу – голова болит и давление скачет.

Надо сейчас померить. Ни у кого таблетки от головы нет?..

– ... Сосед пса завёл, гуляет с ним, без намордника! Я говорю, почему у вас собака без намордника? А вдруг сорвётся с поводка, покусает?! Слюнявая такая, противная...

– ... Эх, сейчас бы торт шоколадный-шоколадный! Или трубочку с заварным кремом!..

– ... А вы были сегодня в женском туалете? Что там за неряхи завелись? Жидкое мыло разбрызгано где попало, бумага на полу... После такого даже в туалет заходить противно, руки помыть. А руки не помоешь – паразиты заведутся, гельминты...

Тема паразитов была традиционная, словообильная и почти ежедневная. Обсуждались не только черви, вши и клещи, ногтевые грибки, но и образные паразиты – правительство (хоть госслужащим ругать его вроде как нельзя), олигархи, богатые «звёзды» шоу-бизнеса. Чехвостили всех – с упоением, ожесточённо, подпитываясь друг другом, словно исполняли некий совместный злобный танец, который нельзя танцевать в одиночку и который можно лишь в одиночку прекратить.

Клочков надел наушники и включил музыку, уйдя в себя и в очередной отчёт. Он, к счастью, не знал, кто такая Лера Кудрявцева, и не хотел участвовать в «кондиционерных конфликтах». Бывало, что на женщин в кабинете нападал зуд чистоты: они вдруг начинали стирать пыль, ругались на уборщицу, приходившую в конце рабочего дня, опрыскивали цветы. В то же время после выпитого кофе невымытые чашки могли лежать целыми днями, привлекая мух. Несмотря на диеты и словесную щепетильность в отношении еды, они часто, чуть ли не каждый день, покупали тортики. Повод для этого искался с легкостью слов алкоголика, который оправдывает своё возлияние. Обычно это происходило после склоки, и коллегам Клочкова надо было «заесть стресс». В итоге или шоколадка, или тортик всегда присутствовали. И, конечно, кусочек всегда доставался Клочкову: накормить мужчину – это всё-таки инстинкт такой же древний, как и умение пресмыкаться перед начальником. Павел Петрович ощущал тошноту при одном слове «тортик», его воротило от этих искусственных сладких жиров и кремов, от пальмового масла. Как правило, «тортик» (не «торт»!) подвергался критике, каждая на публику норовила съесть кусочек поменьше, стараясь сохранить фигуру, хотя сохранять её уже не имело смысла. Когда кулинарное изделие безвозвратно пропадало в бездне пищеварительных систем, женщины любили порассуждать о вреде тортов, о том, что они закупоривают сосуды, вызывая риск заболеваний. Далее обычно следовал длинный список заболеваний, далеко не все из которых были связаны с тортиком.

Каждая из четверых коллег по кабинету напоминала Клочкову собаку особой породы. Вот Катерина Львовна – типичный бультерьер. Бойцовский характер, вечно всем недовольная. Она всегда делала короткие, «гладкошерстные» стрижки, не чуралась нецензурных ругательств, была крепка костью и увесиста массой. Её лицо, ну прямо бультерьерское, выражало постоянную готовность ринуться в бой и перегрызть горло врагу. День проходил зря, если Катерина Львовна ни с кем не ругалась. И только перед Максигеннадичем она виляла хвостом и была покладистой. Но было ощущение, что если большой начальник потеряет власть, заболит – она тут же с ним расправится. Агния Афанасьевна напоминала гончую: высокорослая, худая, с длинными конечностями. Она всю жизнь гналась за убегающими целями: муж, квартира, машина в кредит, карьерный рост на госслужбе, должность за должностью, обязательные поездки за границу, загар под пальмами. Она всегда словно отчитывалась и одновременно хвалилась перед другими «собаками». Но объектов для охоты становилось всё больше, здоровья не прибавлялось, и она гналась, гналась и гналась, задыхаясь, изматываясь, тяжело дыша, высунув язык. И вне этой гонки себя не мыслила, потому что постоянно хотела быть «успеш-

ной». Ну, и Фаина Петровна – это, конечно, немецкая овчарка. Вышколенная, безукоризненно исполняющая команды, и не понять по морде, о чём она думает на самом деле. И не приведи Господь чтобы она получила команду «фас!»: тогда у вас нет шансов. Ключков в этой компании чувствовал себя котом, он даже по гороскопу был Котом. Или Кроликом, по другой версии. Ну, каково коту среди собак в большой многоэтажной будке...

И только Леночка, большеглазая и длинноволосая, обычно молчала и не вписывалась в атмосферу тётко-стайла. В мире собак она была бы, пожалуй, английским кокер-спаниелем. Трое женщин её постоянно поучали: не стоит на работе носить столь вызывающую юбку, разводить дома надо такие-то цветы, готовить ужин надо эдак, а за помадой тебе, Леночка, надо идти в такой-то магазин ив-роше-лореаль-этуаль, там скидки 25%. Леночка кивала, соглашалась, но делала всё по-своему, потому что эта свекрово-тёщинская опека ей нафиг была не нужна. Её, молодую красавицу, учили, как надо одеваться. Говорили, что синий шарфик с кремовой блузкой – это тренд и в этом сезоне актуально. Слово «модно» было немодным, неэффективным, употребляли «актуально». Почему актуально – неясно. Но – актуально. На обед Леночка выпархивала из министерства и старалась с коллегами не сидеть. А трехголовая гидра даже в обед оставалась в отделе и не могла промеж собой наболтаться. Ключков тоже на обед выходил прогуляться. На свежем воздухе мозги проветривались, и подобие внутренней гармонии возвращалось. Он успевал пройтись по набережной Волги, посмотреть вдаль на проплывающие теплоходы, на величественный мост. Вот бы наоборот: восемь часов – обед, час – работа.

Вернувшись после перерыва, Ключков обнаружил непривычное молчание. Фаина Петровна, Катерина Львовна и «Барто» загадочно обменивались взглядами. Потом Фаина Петровна подозвала к себе Ключкова и доверительно зашептала (она называла это «шушукаться»):

– Павел Петрович, тут вот какое дело. Вызывает меня к себе Максимгеннадич, даёт поручения, а потом и говорит как бы между делом: «Ну, и сколько вы сегодня калорий сожгли, Фаина Петровна? Может, вам тортик купить, чтобы ваш отдел лучше работал, а не ласы точил?!». Или у нас прослушка стоит, или кто-то информацию сливает. Мы посоветались и решили, что это, скорее всего, Леночка. Так что, ничего ей не говорите, она коварная и, наверно, подлая. Нам тут ещё работать и работать, стаж до пенсии и так далее. Ей-то что, вертихвостке, завтра, глядишь, в декрет уйдёт.

Так из опекаемого молодого специалиста Леночка, сама того не ведая, стала врагом народа, против которого женщины стали «дружить». Этому они и посвятили вторую половину рабочего дня, оставив в покое мелкого служащего Ключкова Павла Петровича.

Батон второй, рефлексирующий

Прекрасно быть большим котом:
пожрал и поиграл потом.
Тебя все гладят, любят,
по крайней мере, люди.

Быть главное – домашним,
забыть о дне вчерашнем,
о будущем не думать —
мурлыкать да мяукать,
и быть любимым всеми,
в комфорте, быть в системе,
быть главной частью дома,
а дома – всё знакомо.

Всегда обед и ужин.
Раз кормят, значит, нужен.
Сижу я на бюджете,
вполне доволен этим.

...А я доволен этим?!

Глава 3. Педагогический форум

Многие представители чиновничества и «педагогического сообщества» прибыли на мероприятие, которое непонятно зачем было устроено почти под конец учебного года. Кто-то судачил, что это из-за пристальных проверок федерального министерства образования. Дескать, было найдено много недочётов и недоработок: показатели успеваемости ниже, чем в прошлом году, повышенный уровень хронических заболеваний, всякие ЧП с избиением детьми друг друга, школьная преступность, особенно в образовательных учреждениях в спальных районах областной столицы и детских домах. Кто-то говорил, что форум проводится в рамках тренда на пропаганду патриотизма среди подрастающего поколения, и учителя должны быть в первых рядах и в едином порыве. Но в рамках, которые заданы федеральной повесткой. Одним словом, подневольный Клочков сидел среди остальной зависимой публики на пленарном заседании педагогического форума во Дворце культуры и периодически аплодировал нижеследующему.

Сначала, до официального открытия «пленарки», на экране демонстрировался видеоряд о достижениях N-ской области во всех отраслях и на всех направлениях. Затем диктор вещал о славных традициях образования, о прекрасном настоящем и о лучезарном будущем. Фильм этот не то чтобы не был правдой, он просто показывал действительность под определённым углом. Впрочем, присутствующие на форуме его особо не смотрели, фон он и есть фон.

Потом состоялось торжественное открытие. Пожалуй, слишком торжественное. Ведущие – он и она – с красными папочками с регламентом, интонациями былых теледикторов объявляли то одно то другое. Прозвучал государственный гимн, потом состоялся вынос флагов главных учебных заведений, затем был исполнен гимн уже N-ской области. Зал то и дело вставал и хлополадошил. Потом вышел совместный хор детей и директоров школ. Они спели что-то вроде: «Ровесницы, ровесники, девчонки и мальчишки, одни поём мы песенки, одни читаем книжки».

На сцену были приглашены первые лица региона, которые сказали речи и долго-долго вручали грамоты отличившимся педагогам, дарили им цветы и некоторых, если те оказывались хорошенькими женщинами, даже приобнимали под нескончаемый перещёлк фотоаппаратов и объективы видеокамер. «Всё не в министерстве сидеть и отчёты строчить», – успокаивал себя Павел Петрович.

Потом слово взял местный министр образования Максимгеннадич. Часть его речи содержала сведения, которые готовил отдел Клочкова, поэтому Павел Петрович с некоторым волнением ждал, как это прозвучит со сцены. Ведь если цифры вдруг неточны и это будет обнаружено Кой-кем Вышестоящим, то влетит так, что мало не покажется.

Но одновременно речь Максимгеннадича вводила в транс и усыпляла. Он, словно гипнотизёр, монотонно капал на подсознание:

– Форум уже давно зарекомендовал себя эффективной площадкой по разработке новых идей и проектов. Из года в год на нём устраивают презентации лучших образовательных практик. Участниками крупных региональных площадок становятся тысячи неравнодушных жителей нашей области, педагогическая и родительская общественность, ассоциации учителей, а также талантливая молодёжь. В этом году форум объединит более трёх тысяч человек. Мероприятия форума направлены на реализацию проекта «Умный регион – умное образование». В рамках форума проводятся как традиционные мероприятия, такие, как единая методическая неделя...

«Как же хочется спать, как же хочется спать», – печалился Клочков, ослабляя галстук от духоты. Он вспомнил, как в четвёртом классе в такую же славную майскую погоду он с друзьями сбежал с последнего урока, и они играли в «чику»: ударяли монеткой в монетку, чтобы та

перевернулась. А потом – в футбол, и ворота обозначали двумя портфелями. Ловили ящериц и пугали ими девочек – вот визгу-то было! Тогда перед теми детьми расстилалась далёкая и глубокая жизнь, с которой можно было сделать всё, что угодно: стать космонавтом, моряком дальнего плавания, альпинистом, шофёром паровоза (да-да, именно так), ракетчиком, хоккеистом Фетисовым. Ну, собственно, все и распорядились своим уникальным и единственным временем, как хотел. Кто-то уехал в Москву, кто-то спился, кто-то ушёл в бизнес. А Ключков, отыграв все свои школьные футбольные матчи, отучился в педагогическом на историческом факультете, попробовал поработать в школе, но долго в ней не продержался, пошёл по чиновничьей линии, пристроился в министерство простым специалистом, да так и застрял там. Лучше, конечно, чем спиться или быть застреленным бандитами, но...

– Мы все прекрасно понимаем, что XXI век меняет требования к профессиональной роли учителя, – продолжал со сцены Максимгеннадич. – На первый план выходят функции организатора учебной деятельности, консультанта, исследователя, руководителя проектов. На первом этапе реализации Стратегии-2030 «Город умной эффективности» в 2015–2018 годах одним из ключевых направлений является качественное образование. Предполагается создание эффективной образовательной среды...

Ключков уже не мог противостоять дремоте. Он не знал, насколько он отключился. Но, похоже, не меньше земной минуты он пребывал в другой реальности. Павел Петрович сидел на вершине горы, блистало солнце, было тепло, несмотря на гигантскую высоту. Было хорошо и спокойно. Ключков давно не дышал таким чистым и лёгким воздухом. Вокруг – горы, горы, и очевидно, что на них живут счастливые люди и звери. У Ключкова в руке бокал с вкуснейшим пивом, рядом – тарелочка с вяленным мясом. Он прихлебывает, смотрит вдаль, зрение его – острый кинжал, он видит, как далеко-далеко мальчишки играют в футбол на школьном дворе, вместо ворот – портфели. И портфели-то, как у Павла Петровича, он в таком теперь документы в министерство носит. И видит: громадный орёл, размах крыльев метра два, несёт в когтях клубок змей. Приземлился рядом с Ключковым, посмотрел на него и давай клювом этих змей долбить! А те шипят что-то, не разобрать, что-то про похудение, жирную пищу, труссы «звёзд» и артериальное давление. «Полетели, Ключков?» – «А получится?» – «Задницу от кресла оторви – получится!». И впрямь – Павел Петрович сидит в кресле в зале. И таких кресел – целые ряды. «Уже не получится», – обречённо подумал очнувшийся Ключков.

– Образовательная сеть региона включает в себя 227 образовательных организаций, из них: 83 общеобразовательных, 130 дошкольных, 13 дополнительного образования, – продолжал вещать со сцены Максимгеннадич.

«А ведь у орла получается, он парит над этим всем, он прибывает гадин, – подумал Ключков. – Рожденный ползать летать не может. Или может, и уже не хочет?!».

– Смысл регионального проекта – формирование «педагога будущего», способного стать опорой реализации Национальной технологической инициативы, – заканчивал свою бесконечную речь Максимгеннадич. – Особую важность реализация проекта получает в связи с разработкой министерством образования и науки России в конце июля 2017 года «дорожной карты» по формированию и введению национальной системы учительского роста. Наша задача – войти в число субъектов, участвующих в апробации модели аттестации, основанной на оценке предметных, психолого-педагогических, методических и коммуникативных компетенций учителей с использованием единых федеральных оценочных материалов...

Наконец-то министр закрыл рот и ушёл. Ведущие с красными папками объявили, что слово предоставляется почётному гражданину, народному учителю России, 82-летнему Владимиру Ивановичу Логинову. Для своих лет он был вполне бодр, хотя слегка сутул, ясен умом и самое главное – до сих пор вёл в школе уроки истории.

Начал, продолжил и закончил Владимир Иванович не по регламенту.

– Я прошу организаторов включить свет в зале. Я работаю учителем почти 60 лет и привык смотреть в глаза своим ученикам. Я не могу смотреть в пустой чёрный зал. А то получается, что сегодня не вы, учителя, главные... Меня часто спрашивают: почему вы, Владимир Иванович, так долго работаете? А вы вспомните своё детство. Мы все с вами наблюдали за тем, чем заняты наши родители. Они работали. Кто-то шёл на завод, кто-то – в больницу, кто-то – в школу, кто-то водил транспорт. И мы все уже тогда примерялись, кем мы будем. И я не мыслю себя в состоянии, когда я прекращу работать, это сложно. Это сложно для многих из вас.

Зал внимал Логинову в полной тишине. Живая речь настоящего учителя контрастировала со всем остальным пленарным заседанием. Его авторитет был настолько высок ещё с советских времен, что самое суровое руководство не смело устанавливать ему рамки – что говорить и сколько.

– Есть молодые люди, которые выглядят старше своих лет своим брюзжанием, недовольством, желанием получить всё и сразу. А человеку должно быть интересно жить, он должен быть активен, идти к своей цели, а не безучастно плыть по течению. В жизни нашей страны всегда наступал определенный момент, когда мы должны что-то решительно сказать, что-то защитить. Наши отцы и деды ушли на фронт. И мы помним это поколение, которое сказало себе: надо выстоять, надо выжить. И они сделали это, совершили великую Победу. А ведь одна треть национального богатства нашей страны была уничтожена. И они сказали себе: надо возродить. И возродили. Нашему поколению сказали поднимать целину – мы поехали. Мы создали страну, величайшую в мире. Мощь Советского Союза предотвращала всякую попытку третьей мировой войны. А когда мы были слабыми, беззащитными, – нас пинали как хотели, разбомбили Югославию, разгромили Ливию. Я как учитель истории выполнял решения страны по воспитанию достойного поколения. Я этим горжусь. Сегодня молодёжь имеет к нам претензию: мы развалили Советский Союз. Мы все внутренне переживаем: что случилось с нашей державой? И сегодня встает тот же вопрос: можем ли мы не предать современную Россию?

В зале стали перешёптываться, словно ощущая некую опасность от человека, который ничего не боится и говорит правду. Его нельзя просто так одернуть, прервать. Он не дорожит «крышей» власти. Чего доброго, ляпнет лишнего, и пленарное заседание педагогического форума будет омрачено.

«Какие мощные, но в то же время простые слова, – подумал Ключков. – У нас же педагоги, особенно те, кто педагогами управляет, так выражаются, так наведут тень на плетень, нагородят умных терминов, а смысла-то и нет». Но вот какое дело: «простые и мощные слова» тоже клонили в сон, они перестали воздействовать, и Ключков, похоже, выработал иммунитет к любым вообще словам. Он не откликался на них, как бывалый пасечник уже не реагирует на пчелиные жала. Призывы любить Родину его уже не задевали, даже если исходили они от искренних людей.

Конечно, Логинов чувствовал аудиторию, согнанную на мероприятие добровольно-принудительно. И решил пробить её толстокожесть. И сделал это с отчаянием пчелы, которая жалит человека, защищая свой родной улей, безвозвратно жертвуя собой. Да, будет больно, место укуса распухнет, но пчелиный яд в итоге будет для организма полезен.

– Ещё немного о патриотизме...

Почему-то с вершины той горы, из сна, меньше всего хотелось думать о патриотизме.

– Так вот, о патриотизме, – Логинов сделал неприлично долгую паузу и заговорил вкрадчиво и тихо. Пчела была готова расстаться со своим жалом, но решила уж всадить так всадить. – Мой отец воевал. И вот он как-то рассказывал, когда вернулся с фронта. Зашёл, говорил он, как-то мой отряд в белорусскую деревню, в которой несколько дней хозяйничали немцы. Ищем, рассказывает, избу переночевать. Входим в один дом. Смотрим – сидит на полу старенькая бабушка, а перед ней тело мальчика. Внук. Ему лет пять. Вместо головы – какое-то кровавое месиво. Бабушка молчит, и даже плакать уже не может. И подняться не может. Потом

рассказала. Пришли немцы, смотрят – мальчонка. Его спрашивают: «А где есть твой папка?». И он ответил, гордо и громко: «Фашистов бьёт!». Ну, маленький, несмышлёный. Немцы рас- свирепели, один взял мальчишку за ноги, раскрутил – и с размаху головой о печку... Тут же нашли его мать, долго насиловали, потом застрелили. Она лежала в сарае. Мы, рассказывал отец, всякого в ту войну повидали, но как было нас пятеро, тёртые мужики, – все плакали. Бабушку мы накормили из своей провизии, в избе прибрались, мальчишку и его маму похоро- нили тут же, в саду... Как мы после этого давили этих нелюдей! С такой злобой!

Зал потрясённо молчал. Многие не знали, как реагировать. Владимир Иванович словно опять провёл урок, а непутёвые ученики будто что-то осознали важное. Их ужалили туда, где ещё больно.

– И в заключение пару слов о труде современного учителя, – сказал Логинов. – К сожа- лению, сегодня из учителей делают поставщиков образовательных услуг. Учителя «натаскивают» детей на правильные ответы по ЕГЭ, суживая тем самым кругозор знаний. У учителя голова заполнена отчётностью, бумагами. Особой проблемой стала ничтожная доля учителей-мужчин в школах, которые увольняются, едва поработав. И кто, позвольте спросить, будет воспитывать детей, если не школа и родители? Ответ очевиден: в лучшем случае – друзья, улица, а скорее – Интернет и телевизор. А в телевизоре в лучшее эфирное время по нескольким федеральным каналам – ор и ругань по поводу того, кто с кем, простите, переспал.

На этих словах раздались аплодисменты, но не аплодисменты одобрения и восхищения, а угодливые начальству хлопки-намёк: хватит, ты вышел за рамки, ты насторожил Первых Лиц, ты портишь торжественное мероприятие. Но у большей части сидящих в зале не нашлось воли для каких бы то ни было рукоплесканий.

И Владимир Иванович с мудрой горечью окинул взглядом публику, склонил седую голову и покинул сцену. Клочкову было неприятно и стыдно, что так уходит Учитель. А ещё он пожа- лел, что тоже мог бы стать учителем, но в свое время свернул с этой дороги и пошёл не туда.

Батон третий, усомнившийся

Сегодня Его Мяучество взирал на просторы Котовасии не столь безмятежно и бесстрастно. Он наблюдал за картиной весны, взгромоздившись на перила балкона. Его с окружающим миром уже не разделяло оконное стекло, а лишь высота пятого этажа.

И вот что подумал Кот Батон: коварная вещь – оконное стекло. Вроде всё видно, а пройти сквозь него невозможно. А это – уже ограничение свободы Верховного Правителя всех котов, кошек и котят. Давно подозревал, что людишки, существующие только для того, чтобы слушать мяукающему сообществу, чтобы холить, лелеять и лайкать усатых-полосатых, что-то задумали и ведут тайную самостоятельную политику. Поступали даже сигналы с мест – я их слышал в открытую форточку – о вопиющих фактах кошачьей бездомности, голода, холода, издевательств. О притеснениях со стороны собак. Якобы многие соотечественники вынуждены ютиться по подвалам, влезать на деревья, добывать себе корм насущный в виде охоты на мышей, поеданием тухлой рыбы. Фу-фу-фу. Мяукающий сосед этажом выше поведал ужающую автобиографическую историю о том, что его отнесли к садисту-ветеринару, и тот над ним сотворил такое, что не выразить никаким воплем боли и отчаяния. И самое обидное, что этот выскочка тоже считает себя Правителем Всех Котов, только Мурзиком Пятым. Ну какой из него Правитель? Во-первых, со Сверхкотоми так не поступают, и если слуги устраивают бунт и, свергнув, глумятся над тобой, то значит ты, Мурзик (имя вообще ни разу не царское!), недостаточно привлекателен, упитан и влиятелен. Во-вторых, Правитель Котовасии должен быть один, и это, несомненно, я... Или уже сомненно?

От этой мысли он чуть было не потерял равновесие и едва сбалансировал хвостом и толстым задом. Ух, чуть не полетел вниз! А всё из-за этих вредных мыслей, из-за этой подорванной уверенности в своём могуществе и смысле мироздания.

Батон с жадностью и любопытством вдыхал тёплый воздух майского вечера и смотрел, как рядом над берёзой резвились, как маленькие моторчики, жуки. И так захотелось броситься за этими жуками, преодолеть пропасть между балконом и берёзой, попасть раз в жизни за пределы квартиры, замутить с какой-нибудь свободной кошкой, посмотреть, как эти бродяги-бомжи на мышей охотятся. Сожрать что-нибудь, пусть противное, кроме сухого корма из пакетика...

Он этих мыслей и чувств Правитель Котовасии снова чуть не оступился и не упал с пятиэтажной высоты. Когти впились в балконные перила. Боязно. Говорят, коты всегда приземляются на лапы. А как это на самом деле, кто знает... Но что там, в этом забалконном мире? Это здесь ты – царь и котовбог, а там кто?! Нет, нас и тут неплохо кормят. Каждый день два раза, а то и три. Есть уверенность в завтрашнем дне, в гарантированном содержании, в социальном, как выражаются слуги-людишки, обеспечении.

Всё, прочь с балкона. Долой соблазны.

Ух, разволновался, сердечко трепыхается, как птичка, хвост трубой.

Спрыгнув с перил, грузно, как мешок с зерном, Кот Батон отправился лежать на любимое кресло. Вскоре он заснул и увидел дивный сон.

Глава 4. Другая дорога

Клочков проснулся необычайно для себя рано – ещё не было четырех. За окном вполне светло, день в мае – это вам не то что в унылом ноябре. Соловьи сходили с ума, свежая зелень настраивала на хорошее. Он полежал с открытыми глазами. Батон учуял, что Павел Петрович не спит, и вскочил на кровать, чтобы его погладили. Но даже кот был несколько удивлён, обычно его людской опекун цеплялся за сон до последнего, не хотел вставать, разочарованно отключал будильник с видом невольника.

Клочков встал, окончательно взбодрился холодной водой. Не зря русская пословица гласит: «Утро вечера мудренее». Мысли с рассветом ясные, логичные и легко находимые. А думать было о чём, потому что неожиданно Клочков задал себе вопрос: «Что делать?». Ещё вчера бы он сказал: «Как что? Ехать на работу, мучиться, ждать отпускных или премии». Сегодня утром у него не было ответа на этот вопрос.

Клочков почаёвничал, надел привычный костюм, сдвинул горло галстуком. «Как это было бы символично – повеситься на таком атрибуте официального внешнего вида, галстуке. А вот хрен вам, не дождетесь!». Чувствуя прилив сил и смелости, даже безрассудства, Павел Петрович взял свой портфельчик, сел в прихожей, словно перед дальней дорогой.

– Ты чего? – спросила удивлённо жена.

– Сегодня надо пораньше, сегодня надо, ответственный день, – отозвался Клочков и решительно встал.

До министерства он решил дойти пешком, хотя расстояние было немаленьким – три с половиной километра. Но как не хотелось ехать на маршрутке №56, слушать ретро-радио...

По сути, он разучился за эти годы ходить: дома – сиди, на работе – сиди, в транспорте – сиди. Если бы Клочков был изначально рекой, то к сегодняшнему времени он бы заболотился, загнил, стал источать затхлый запах. Когда-то Клочков спокойно и связно изъяснялся, теперь же – слегка заикался, слова будто спотыкались, то и дело появлялись неотвязные «эт самое», «в общем», «типа». В сознании прочно засел язык документооборота. Вместо «Надо прогуляться, весна, погода чудесная» мозг выдавал: «На основании соответствующих, эт самое, погодных условий и типа чрезвычайной задолбанности на работе назрела необходимость покинуть пределы квартиры».

Клочков шёл легкой походкой, дышал весенней новизной и глазел по сторонам. Он поймал себя на том, что и «глазеть» он отвык. Ну, а что: из маршрутки №56 виды всегда одинаковые. Говорят, у человека падает зрение, когда он смотрит на мир без интереса. А если ему вообще и жить неинтересно, то у него, наверно, всё атрофируется. И как потом себя реанимировать?

И Клочков начинал догадываться – как...

У подъезда убирался дворник, Павел Петрович его поприветствовал. Долгожданная листва распустилась, вот-вот зажелтеют звёздочки одуванчиков. Навстречу попадались люди с добрыми лицами – в маршрутке народ был обычно озадаченный, сосредоточенный и угрюмый. А ведь это счастье – просто идти пешком! Кровушка бежит, сердце стучит, мысль работает. Клочков сейчас осознал, что ещё несколько лет сидения за компьютером – и он станет горбатым, и это не считая букета приобретённых на нервной почве хронических заболеваний. Тьфу, какие фигуры речи гаденькие – нервная почва, букет заболеваний. Или так: букет заболеваний на нервной почве...

Как полезно смотреть на мир в непривычное время, другими глазами. Может, для одного человека зелёный цвет – это синий, красный – это фиолетовый. А животные видят всё совсем иначе. Дальше, острее, в иных пространственных пропорциях, в особой палитре. Мы же привыкли к одному и тому же, и ничего не знаем про другие миры.

Дорога была желанна, и не требовалось никакой «дорожной карты». Павел Петрович обратил внимание на свежую разметку. Прочитал афишу – сто лет не был в театре и на концертах. А ведь в наш город иногда заглядывают вполне приличные, интересные исполнители. Сто лет не слышал живой музыки. Что он только не делал за эти сто лет...

Мимо прошла улыбчивая девушка, с выкрашенными в ярко-ярко фиолетовый цвет волосами, в которых была брошка в виде цветка. Хорошо. Неторопливо проехала поливальная машина с предостерегающими световыми сигналами, мол, отойди в сторонку, не то окачу! Очень хорошо. Пыль была прибита к дороге. Свежесть – это прекрасно.

Клочков шёл и всё больше убеждался в том, что надо делать.

Павел Петрович добрался до своей работы, и было как раз без пяти девять. Он увидел столь знакомую утреннюю картину: служащие министерства озабоченно спешили, боялись опоздать. Со стороны они выглядели довольно жалко.

Клочков не пошёл сразу на работу. Он захотел опоздать впервые за много лет. Павел Петрович отправился на набережную, где столько раз раздольным видом на Волгу-матушку пытался отвлечься от нервяков и стрессов. Мост, баржи, широкие пространства... Как сладко – что-то прогулять, на что-то, как выражались некоторые друзья, забить болт. Ветер трепал клочковскую шевелюру, как в детстве, и словно приговаривал: «У, прогульщик, учительница поругает, поставит двойку за поведение, тебя отчислят, и будешь вместо аттестата со справкой». Как бы сейчас сгонять в футбол... А не с кем. Кто ещё поставит на траву портфель с документами, кто вынесет мяч? «Бросай, Клочков, портфель, надувай мячик и играй по своим правилам. И не бойся ничего – только смелым покоряются моря», – сказал себе Павел Петрович. Тут он нарушил ещё один запрет из детства – закурил. Специально купил пачку. Сел на лавку – какой всё-таки вид!.. Затянулся. Хорошо. Конечно, ни семья, ни тем более коллеги-женщины курение не одобряли, не одобрял его и сам Клочков. Но сегодня...

Мобильный Павла Петровича взорвался звонком. «Химера» – высветилось на дисплее. «Да, Фаина Петровна?!» – спокойно и насмешливо сказал Клочков.

– Павел Петрович, в чём дело? Вас уже полчаса нет на работе!!! Почему вы не ставите нас в известность?

– Фаина Петровна, сегодня произошло страшное событие. Умерла последняя на планете самка белого носорога. Этого никто не заметил.

– Клочков, вы в своем уме? Вы трезвый? Я буду вынуждена написать докладную Максименнадичу!

– Фаина Петровна, у меня всё хорошо. Просто я наконец-то понял, что у нас с вами разные «дорожные карты» и разные реперные точки. Я сейчас подойду и урегулирую наши разногласия, связанные с исполнением служебных обязанностей и психологической совместимостью. Живём-то один раз.

Клочков затянулся сигаретой, включил телефон на громкую связь и положил рядом с собой на лавочку. Из трубки доносилась испуганная ругань, угрозы, удивление. Павел Петрович смотрел на свой мобильный, как на большого таракана, – с любопытством и брезгливостью.

Когда Клочков появился на работе, преодолев охранника Георгия, управление по надзору в сфере образования напоминало встревоженный улей. Все уже были в курсе неадекватности Клочкова. Даже Леночка смотрела на него округлившимися глазами: как, мол, в этом червяке, в этом лакее вдруг проснулось мужество и появилось человеческое достоинство? Неужели нашёл новую работу? Или выиграл в лотерею пять миллионов? А может, его взял под защиту Сами Знаете Кто? А может, он решил уехать за границу, и ему теперь всё до лампочки? Никто этого не ожидал от жалкого, нескладного Клочкова.

– Где вы были всё это время? – с ужасом, но гневно спросила его Фаина Петровна.

– В заблуждении, – ответил Павел Петрович и сел писать заявление по собственному.

«Ну, вот я и вылетел с работы. Вы-ле-тел, – думал Клочков, расправляя плечи. – Экипаж лайнера приветствует вас. Температура на борту отличная. За бортом – ещё лучше. Атмосфера позитивная. Пристегните ремни, в полёте может быть турбулентность».

Батон четвертый, улетающий

Двухкомнатная квартира на пятом этаже хрущёвки, обследованная за эти годы вдоль и поперёк, переливалась огнями, словно стартовая площадка. Лапы ступали уверенно, потому что Батон знал, что сейчас он отправится в путь. Он вскоре познает мир, которого никогда не видел, не слышал, не нюхал. Он понял, что дальше так жить нельзя – от кормёжки до кормёжки, от сна до сна. Он выпрыгнет из этого замкнутого круга, из этой клетки повышенной комфортности.

«Почему коты не летают, как птицы? Или как майские жуки. Ежу понятно, что если я сейчас не полечу, то не полечу уже никогда. Вот, ежу и то понятно, но Батон в полной мере осознал это лишь сейчас. А ведь всё это время он считал себя Правителем Котовасии, полагал, что ему всё кошачье население завидовать должно. А какой же он Правитель, когда он настоящей Котовасии и видеть не видывал? Не был он, конечно, никаким Царем Всея Котовасии, не был обычным котофеєм, он четыре года был котофейком. Да простят меня Павел Петрович, Ира и Маринка. Они меня так захолили и залелеяли, что я стал чемоданом на четырех лапках, заплыл жиром, и мне ничего не хочется. А должно хотеться. Вот сидит Павел Петрович, телевизор смотрит, передача про дальние страны. Я же вижу, как бы он с радостью там оказался, как бы в морях купался, как бы по горам карабкался. А он пивка попьёт и спать идёт. Вот так и я: в окошко погляжу – и на боковую. Я даже в нашем дворе никогда не был, никогда».

Батон вскочил на балконные перила, удивительно легко и даже воздушно, и огляделся. Луна блистала призывно и неотвратимо. Звёзды вспыхивали и меркли, словно искры в наэлектризованной шерсти, когда Батона гладили в темноте. И этот майский воздух – воздух дальней дороги и возможности выбрать себе путь.

Батон обернулся. Ничего не подозревающие слуги-люди безмятежно спали, Павел Петрович даже похрапывал, завтра бедняге, наверно, идти опять куда-то, он говорит, что в гадюшник. И вот тут Батон понял, что любил этих людей, и сейчас, скорее всего, видит их в последний раз.

Заиграла музыка из скрипок и колокольчиков. Соловьи выводили сумасшедшие трели.

Батон взлетел. Оказывается, ничего сложного. Тут главное – сделать первый решающий толчок, а там уже перебирать в воздухе лапами не составляет особого труда. Батон – ну, какой он теперь Батон, он теперь Эфир или что-то в этом роде – плыл по воздуху. Для начала, конечно, сделал кружок вокруг родной пятиэтажки, осмотрел двор, только что распустившиеся деревья, припаркованные машины. Поднялся повыше. А таких-то дворов, оказывается, десятки, сотни! И везде своя жизнь, многообразная и непознанная. Вот люди, говорят, тоже сидят в своей Солнечной системе и носа дальше не высовывают. А выше, а дальше! Леса, поля, реки, моря, океаны... И везде где хочешь приземляйся, живи, лови мышей, если надо, изучай, познавай, ухаживай за кошками, размножайся (давно пора), знакомься с другими котами, учи их язык. Хотя в кошачьем мире только диалекты, местные говоры, а язык один, поэтому с этим проблем не будет. И только жаль, безумно жаль потраченных в хрущёвке лет, где живет человеческая семья, которая тоже хочет и не умеет летать.

Курс Батона, естественно, регулировался хвостом. Он поднялся так высоко, что из-за горизонта показалось восходящее солнце. Наступал по-настоящему новый день.

Глава заключительная, а может, и нет. «Дорожная карта»

Утром кот Батон не был обнаружен. Понятно, что он сиганул с балкона или не удержал равновесие на перилах и рухнул вниз. Увесистая задница, похоже, пала в неравном бою с земным тяготением. Пятый этаж и высота пугала. Маринка плакала, Ира была в истерике. Павел Петрович потерял источник дохода, сегодня он первый день не идёт на свою ненавистную службу, а тут ещё пропажа кота. Невесело начинался новый этап жизни бывшего чиновника.

Клочков умылся, оделся и вышел на улицу. Если бы он не был озабочен поиском Батона, он бы вдохнул полной грудью и насладился поздней весной. Всё буйно цвело, благоухало, было тепло и безоблачно. Сегодня не надо ни перед кем дрожать, заискивать, уворачиваться от укусов коллег, бояться заработать сердечный приступ. Но мешали два обстоятельства: неопределённость и пропавший кот. И, конечно, жена и дочка, которые переживали и за Батона, и за него, отныне официально безработного.

Клочков два раза обошёл дом, говорил «кис-кис-кис», редкие прохожие смотрели на него с любопытством: взрослый дяденька, а ищет какого-то кота. «Ну, расклеим объявления о пропаже на подъездах, животное видное, найдется». Ему опять пришли на ум чиновничьи выражения «дорожная карта» и «реперные точки». В переводе на человеческий язык эти два оборота можно перевести как «куда идти и зачем?». Собственно, это главные вопросы и есть.

И тут в зарослях под балконом раздалось знакомое «мяу». Оказывается, Клочков за эти годы научился отличать Батонский голос от любого другого кошачьего. Кот-летун сидел, спрятавшись от людских глаз, и жалобно смотрел на Клочкова. Чёрная шерсть в пыли и растрёпана. Батон мяукал и не двигался с места. «Вот ты где, сукин кот!» – обрадовался Клочков, как не радовался никому в последнее время.

Павел Петрович осторожно взял его на руки, Батон мяукнул ещё жалостнее. Видимо, он что-то повредил себе, может, лапу, может внутри чего, это уже только ветеринар определит. Ужас и шок выражали его глаза. Как он тут ночь провёл, одинокий, ушибленный, среди незнакомых людей и собак-дворняг? Это ведь у него первый раз в жизни, первый раз...

Клочков бережно нёс Батона на руках, как новорождённого, и тот сквозь свои кошачьи страдания благодарно смотрел на бывшего чиновника регионального министерства образования. Павел Петрович поднялся на свой пятый этаж, лифтов в хрущёвках не предусмотрено, и позвонил в свою дверь.

Перед тем как жена открыла, Клочков бросил взгляд на усатую морду. Ему показалось, что кот Батон ему подмигнул и улыбнулся.

«Держись, котяра. Мы прорвёмся», – сказал Клочков и переступил порог.

Топот котов

Законодательное собрание Санкт-Петербурга приняло во втором чтении поправки к закону «Об административных правонарушениях», которые предполагают штрафы за «стук», «передвижение мебели», «громкий храп» и «топот котов» по ночам.

Из информационных сообщений октября 2012 года

А что коты – они топочут разве?
Пусть заполняют мир своей движухой,
искрят глазами и поводят ухом,
мяукают воинственно-экстазно.

Куда противней злобный вой сирен,
скулёж и плач, столь слышимые ночью,
истерика и ругань из-за стен.
А тут – коты. Так пусть они топочут!

Не спится депутатам – вот беда.
Ворочаются, может, совесть гложет.
А тут коты. Они ступают так
легко, чуть слышно, мягко, осторожно.

Бывает, дождь крадётся за окном,
шурша по летним тротуарам влажно.
Иль птицы расщербечутся о том
о сём. О чём – не так уж важно.

На пасть, на клюв поди – накинь платок,
угомони звучащую природу!
В намордник поместишь ли всяку морду,
и всяку лапу – в шерстяной носок?

Я б с этой ночью тоже был «на ты»,
по Невскому гулял бы до рассвета.
И мне бы все окрестные коты
передавали тёплые приветы.

Печаль, как и положено, светла...
Я вкупе с согревающим напитком
мурчал бы с видом доброго кота
и излучал чеширскую улыбку.

Коты! Пусть топот ваш звучит,
от вас не ускользнёт ни мышь, ни крыса.
И в благодатной питерской ночи
найдёте вы своих прелестных кисок!

...Ты снова сонный пленник темноты.
Послать бы все дела к чертям собачьим!
Проснись и посмотри на всё иначе.
Прислушайся, как топают коты.

ВОРЧУНЫ

рассказ

Они сидели на кухне перед початой бутылкой дорогого виски и являли миру неторопливые высказывания. Они – это служащий департамента по обеспечению чего-то там администрации какого-то российского региона, худощавый и раздражительный Семён Короедов и частный предприниматель, внушительный, чуть склонный к полноте, но тоже раздражительный Николай Сомов. Их приятельские отношения начались ещё со школы и продолжались до сих пор. То ли потому, что жили они по соседству, то ли потому, что находили друг в друге возможность посмотреть хоть в какой-то компании футбол и попить пивка, а может, потому, что их взгляды на мир нередко оказывались схожими.

– Ну, будем, – сказал Коля, разлив на правах хозяина благородный напиток и взявшись за стопку, – два штукаря вискарь как-никак стоит. Это тебе не наша «Кузнечная», палево, с которого башка с утра...

– Будем...

Первая пошла привычно, и даже слова, которые сопровождали её в последний путь были заранее известными, поэтому входили в часть привычного ритуала чокания. Впрочем, иногда «будем» менялось на «ну, давай». Постоянством, кроме слов первого тоста, отличалась и закуска: с какого-то времени было решено, что лучше сопровождать крепкий алкоголь, как выражался Сомов, «лёгкими фруктами». Непонятно, почему именно апельсины были удостоены чести быть постоянной закуской. Возможно, относительная дешевизна была тому причиной, а может, это было когда-то единожды озвучено, а потому так повелось. Из мелких привычек складывались более крупные, словно ручейки вливались в речку. Но итоговая большая привычка заключалась в совместном распитии чего-нибудь крепкого, темы разговора менялись не особо, и так же неизменна была большая голова наутро и досада на потерянное время и потраченные деньги на выпивку.

– Вот я не могу понять, что у нас за страна, – начал раскрывать любимую тему Сомов. – Вот сидим тут, шотландское пьём. Чё наше-то не пить? А не особо разопьёшься. Потому что всё подделка, всё из порошка, молоко – тоже из порошка. Скоро порошок будут делать из порошка...

– А колбаса? – с готовностью подхватил Короедов. – Ты знаешь, что есть колбаса, в которой вообще ни грамма мяса? Лучше вон апельсинчиков взять...

И приятели взяли по дольке апельсинчика, хотя между ними негласно считалось, что просто есть закуску не совсем прилично, как-то по-женски, что ли...

– Я тут как-то бывшей жене говорю: ты на фига помаду за полторы тыщи купила? Взяла бы за двести рублей, всё равно какие-нибудь таджики в Подмосковье делают....

– Сейчас всё китайцы делают...

– Вот скажи мне, что делаем мы? – повышал градус раздражения и просто градус Николай, наливая по второй.

– Мы с тобой – бухаем, – попытался вяло пошутить Семён, но переломить настроение товарища не получилось.

– Ничё не осталось, всё разграбили, распродали, а телек включишь – эти все пляшут.

– Нечего там смотреть! Сто каналов, а смотреть нечего. Везде Басков с Киркоровым да Пугачева с Галкиным. Или, прости господи, Зверев с Моисеевым. Ничего не меняется...

– И на самом «верху» всё то же: полный стабилизец...

Разговоры о политике и об экономике особенно злили и распалили Сомова. Он-то знал, кому и сколько дать «на лапу», какой процент «отката» определить, чтобы всем заинтере-

сованным сторонам было хорошо, какой товар как скупить и кому втюхать. Уж он-то знал, что если бы все вокруг были честные и принципиальные, то, скорее всего, он бы остался без работы. То, чем он занимался, Сомов называл «работой», хотя в хвалимые им советские времена его наверняка посадили бы за спекуляцию или мошенничество. «А что, вот все говорят – коррупция, коррупция... Да если бы не было этой самой коррупции, у нас всё встало бы! Всё бы парализовало! Коррупция – это смазочный механизм всех отношений! И вообще – нашей жизни!», – любил повторять Сомов. Уж очень эта самооправдательная мысль ему нравилась, а приятель Короедов ему одобрительно поддакивал.

Сомов имел обыкновение неизменно отовариваться в дорогих магазинах фирменной одежды. И вообще он был неравнодушен к известным брендам, испытывал к ним уважение и даже в некотором роде преклонялся перед ними. Уж если смартфон – то самый-пресамый. А вот на автомобиль, самый «топовый», денег, конечно, не хватало даже при его доходах, и это раздражало. Сомову казалось, что чем вещь дороже, тем она лучше, качественнее, и отступление от этого правила недопустимо. Его любовь к себе сквозила во всём и часто трансформировалась в презрение к большей части этого мира. Может, из-за этого его жена давно ушла, и это Сомова более чем устраивало. Он не любил быть должным. Что до Короедова, то Николай нашёл в нём слушателя.

– Ну что, поглядим на наших балбесов, – сказал Сомов и включил телевизор. Играли сборные России и Андорры. Происходящее на футбольном поле придавало ворчанию приятелей особую энергию. Шла десятая минута первого тайма, а наши действительно теряли мяч в простых ситуациях, постоянно отпинавали его назад защитникам и вратарю. Скучно было даже комментатору. Особенно раздражала реклама, которая хоть на несколько мгновений, но прерывала игру.

– Я хренею, – бурчал Сомов, разливая по третьей, – получают такие бабосы, а мячик до ворот докатить не могут! На «Ягуарах» и «Порше» на тренировки ездят. А у нас в городе люди едва на лекарства зарабатывают. За квартиру заплати, за жарчку заплати, то да сё. Как жить? А эти за миллионы долларов по мячу, б.., попасть не могут!

И Николай назвал вполне конкретно то место, из которого у наших «футболёров» растут ноги.

– И заметь, – вторил приятелю Короедов, – в Андорре – ни одного профессионального футболиста. Бегают по полю почтальоны, пожарные...

Тем временем то ли почтальон, то ли пожарный поразил российские ворота: мяч, пометавшись в штрафной, отскочил в сетку от нашего же игрока. Страшное трехэтажное двухголовое ругательство сотрясло комнату.

– А знаешь, почему?! Потому что у нас всё так...

Эти слова прозвучали как тост. Содержимое рюмок резко переместилось во внутренние миры приятелей, сделав их ещё теплее и безысходнее.

– И заметь: страна ничего не производит, – Семён смачно заменил «ничего» на более эмоциональный и гораздо менее литературный синоним. – Нефть с газом качаем – бабло оседает в швейцариях, а нам, лошарам, говорят: извините, поджигайте хвосты, затягивайте пояса, держитесь, кризис пришёл...

Сомов смутно почувствовал, что в этой короедовской фразе его записали в «лошары», и поэтому решил сменить тему. После третьей она была тоже вполне традиционной – «о бабах».

– Вот я говорю как-то своей бывшей: чего тебе на 8 Марта подарить? Она: подумай сам, типа прояви, наконец, фантазию и инициативу. Ну, купил ей духи какие-то там. Дорогие! А она обиделась. Надулась. Три дня принципиально со мной не разговаривала, о каких-то там постельных поползновениях и речи не было... А я ей: ну, чё за фигня? В чём дело-то? А она: если я тебе хоть чуточку небезразлична, то сам догадаешься. Короче, ела мне мозг таким макаром неделю. Ела-ела. Я уж извёлся весь, думаю: чего не так? Бухой домой послед-

нее время не приходил, мать её к родне отвёз, на магазины спонсировал... И вот прикинь, чё оказалось, из-за чего эти нервы, обидки, бойкот этот... Тарарам, барабанная дробь, правильный ответ – в студию! Запах духов – не тот. Пахнут они, видите ли, как-то не так. Оказалось, этот аромат, прикинь, **СЛИШКОМ СЛАДКИЙ!** Эпическая сила! И заявляет: если бы ты был внимательным, если бы тебе было не всё равно, ты бы помнил, что мне нравится другой аромат. Прикинь, Сёма, чё я помнить должен?! Мне больше в свой изнасилованный делами мозг впихнуть нечего. На работе – полная задница: там платежи задерживают, здесь договор срывается, поставщики подводят, а тут – «слишком сладкий». И главное – догадайся про эту хрень сам, нечуткая скотина. А потом ещё удивляются, почему это мы «налево» ходим... Вот потому и ходим. Потому что нельзя не ходить. Потому что надо ходить! Потому что мало радостей в жизни...

После этих «потому что» Сомов встал, чтобы подрезать ещё апельсинов. Настала очередь Короедова жаловаться на женщин.

– Да ладно, Колян, у меня не лучше была ситуация, – отозвался Семён. – Моя тут взялась реалити-шоу смотреть про экстрасенсов. Собираются эти провидцы толпой и угадывают, у кого кто как умер, колдунов из себя строят. Кто самый неколдунский – того изгоняют из проекта. Они любят эту галиматью «проектом» называть («галиматья» тоже была заменена на синоним) ... И вот они глаза закатывают, бормочут чего-то. А народ у нас сидит, смотрит... Ну и жена тоже сидит, поглощена этими шарлатанами. А я ей говорю: всё это актеры, для телевизионной картинки, говорю, всё это. Настоящие-то люди со способностями туда не пойдут, не надо им известности. А потом эти участники шоу откроют свои конторки, и туда повалят дуры всякие толпами: где мой суженый?! А там будет сидеть этакая фифа, вся в чёрном, будет смотреть в магический шар, карты перекалывать, говорить про венец безбрачия, сглаз, дыру в ауре, энергетическую жопу, а потом заломит цену. Всё деньги... Ну, жена и обиделась. Фиг ли, правда-то раздражает...

– Как хорошо с приятелем вдвоём сидеть и пить простой шотландский виски, – неожиданно процитировал Вертинского Николай.

– И, улыбаясь, вспоминать о том, что с этой дамой вы когда-то были близки, – продолжил Семён и отправил в рот вслед за вискарным глотком апельсиновую дольку.

– Да блин!!! – рванулся к телевизору Сомов, когда мяч попал в штангу андоррских ворот. – Как так?! С такого расстояния? С такой позиции?!

Приятели выпили ещё по одной уже без тоста, не чокаясь, словно ставя крест на всём российском футболе. Тайм окончился, игроки понуро поплелись в раздевалку под раздражительное бухтение тысяч сомовых и короедовых на необъятной одной седьмой части суши.

В перерыве решили покурить. Это было тоже традиционным приятельским ритуалом. Семён вышел на балкон, на свежий воздух, набил трубку, запалил и начал обстоятельно покуривать. Трубку представлялась более достойным предметом, чем сигарета, табак в отдельных пакетиках казался ароматнее, настоящим, неподдельным, потому что большинство того, что делалось в России и для России, считалось друзьями второсортным, для невзыскательных труд и прочих представителей низшего общества. Впрочем, на этот раз Николай не составил Короедову компанию, и «трубка мира» друг другу не передавалась. Сомов остался в комнате тыкать в пульт, дабы узнать последние новости. Ему была нужна новая доза для ворчливого недовольства. Телевизор с задачей постоянных поставок для Сомова негатива справлялся на пять с плюсом. Однажды Семён его спросил: ты чего, мол, новости смотришь, потом бандитов, «ментов», ток-шоу всякие горлопанские, потом – «поющие трусы», юмористов этих тупых, не смешных несколько. Внятного ответа от Сомова получено не было.

Семён выдохнул табачный дым с каким-то вишнёвым ароматизатором. Он смотрел с высоты четвёртого этажа на проявления срединной осени. Листья то и дело отрывались от веток и пускались в полёт. Иные, везунчики, улетали прочь, другие – опускались на землю,

обременённые собственным весом, попадая под колёса машин и не успев толком насладиться хотя бы свободным падением. Видимо, им и на берёзах в лучшее зелёное время было не очень хорошо. Это ведь только на первый взгляд листья все одинаковы. А как приходит пора вянуть да сохнуть, то все по-разному и цвет меняют, и рвут связь с веткой с разной степенью сожаления.

Вон пара прошла, рука в руке – она, конечно, счастливая, прохладно, а волосы развеваются, улыбка кокетливая, юбочка... Он – уже полусчастливый, думает, наверно: уже надоедать всё стало, а что будет, когда она о свадьбе заговорит? Лето прошло, страсть отсалютовала, а что теперь? И вроде ещё хорошо всё, но уже тревожно...

Собака-дворняжка, нелепая, шерсть рыжими клоками, на одну лапу прихрамывает. Чего-то ведь тоже думает своими собачьими мозгами, бегаёт, пожрать ищет. И работать ей не надо.

К подъезду подкатила белая «семёрка», из неё вышли мужик и его жена средних лет. Из багажника они достали вёдра с яблоками. «Вот уж чего никогда не понимал, так это копание на даче, – подумал, вдыхая вишнёвый табак, Семён. – Всё же можно в магазине купить. Бесит просто это пенсионерское: ой, а у вас огуречки свои? а много банок закатали? ой, помидорчиков в этом году неурожай!...

То ли табак был действительно в этот раз какой-то особенный, на вечерние философские размышления настраивающий, то ли виски приоткрыл занавес реальности, то ли прохладная осенняя атмосфера поспособствовала, только почему-то вспомнилось на сомовском балконе Семёну одно событие, которое произошло этим летом.

Надо было по служебным надобностям в райцентр попасть. И вот поди ж ты – где-то в глуши, между сёлами, уже немолодая машина сломалась. Кстати, именно после этой ситуации в областной администрации было принято решение обновить парк автомобилей и купить несколько иномарок для нужд мелких чиновников. Не беда, решил тогда Семён, проголосую на дороге, доеду на попутке, время терпит, погода хорошая, успею ещё «согласовать ряд вопросов».

И пошёл...

Дорога вилась до самого горизонта, тёплый ветерок одобрительно похлопывал по щекам, было ясно, если не считать нескольких облачков причудливой формы, июньская зелень радовала уставшие от монитора глаза. Над полем по-хозяйски, неторопливо кружила крупная птица – то ли орёл, то ли беркут, то ли ястреб, Семён в них не разбирался. В общем, что-то выпорхнувшее из герба. Пахло какими-то травами, и чувствовалось, как что-то внутри соскучилось по этому запаху. Идти было легко, и чем дальше, тем охотнее шагало. Попуток почти не было, а те редкие, что проносились на бешеной скорости, были дорогими иномарками, а значит, их водителям было плевать на голосующего Короедова. Был бы кто на грузовой, на стареньком «жигулёнке» – тогда другое дело...

Но непосредственному начальству текущую обстановку обрисовать всё же было надо. Семён достал мобильный и с ужасом обнаружил, что заряд в телефоне иссяк. По закону подлости такие вещи происходят совсем не вовремя. Да, у него был с собой зарядник, Семён его всегда на всякий случай носил в небольшой сумке. Говорят, где ты хранишь зарядное устройство от мобильного, там и твой дом. «Забавненько, – подумал Короедов, – если у меня зарядник постоянно в сумке, значит, и дом мой – сумка. И ношу своё жилище на себе, как улитка». Эта грустно-весёлая мысль на секунду отвлекла от проблемы, но зарядить мобильник было не от чего. Ни от деревьев, ни от солнца, хотя энергии вокруг было предостаточно.

«О, как, – подумалось Короедову, – Если сегодня ты вдруг «изнотавелеблинземомент», то бишь вне мобильного доступа, то попадаешь в другой, параллельный мир, пугающий своей свободой, неизвестностью для социума, тебя не отслеживают, не «ведут». И если раньше на самый распространённый «мобильный» вопрос «Ты где?» можно было соврать, то теперь, с развитием видеосвязи, обмануть тотальную, да чего там – тоталитарную, сеть уже не выйдет. А покажи-ка

себя? Это на фоне чего ты там? Ты повязан по всем параметрам, ты – человек-точка в системе координат, ты – человек-функция, а так если посмотреть – то и не человек уже, а муха, которая добровольно вляпалась в эту всемирную паутину, и чем сильнее ты дёргаешься, пытаешься вырваться, тем быстрее приползет паук и сожрёт тебя. Это – обратная сторона паутины: да, тебе удобно искать информацию, но и ты – как на ладони. Только вот на чьей ладони?..

Семёну стало тоскливо от того, что без мобилы так дискомфортно, непривычно и даже страшно. С автостопом тоже не везло. Он дошёл до некоего села. «Малые Погребы», – рассмотрел он придорожную табличку. – Ага, значит, где-то есть ещё «Большие Погребы», а может и «Средние», «Верхние», «Нижние», «Русские», «Мордовские». Да, бывают названия...». И чтобы сгладить гнетущее ощущение безмобилья, Семён начал развлекать себя придумыванием неприличных, нецензурных названий сёл и деревень: Большие Охренищи, Глубокая Задница, Средние Бодуны, Фигасебеево и всё в таком роде.

Недалеко от обочины он заприметил небольшую беседку с деревянным крестом. Это оказался обустроенный родник, видимо, источник почитался как святой. Тут же висела эмалированная кружка. Семён, прошедший около двух с половиной километров, только сейчас почувствовал, как хочет пить. Не зря говорят – «живительный глоток»: холодная вода была необычайно вкусной, хотя непонятно, как это может быть, вода она и в Африке вода. Но нет, Семён знал, что в городе «Водоканал» воду берёт прямо из загрязнённой реки, дезинфицирует её, как-то смешивает с хлором, всё это движется по ржавым трубам, и в итоге из крана течёт хоть и вполне себе безопасная водичка, особенно если её профильтровать, однако это уже не то... Вода из родника как-то неведомо преобразила сознание: тревожность словно смыло. Умыв лицо, он ощутил свежесть, не ту рекламную телевизионную «свежесть», он как будто посмотрел вокруг другими глазами. Как та парящая птица над полем, которая всё сверху видит, которая спокойно выбирает свой достойный путь, не бросается опростомелью вниз за каждым кузнечиком, гусеницей, мышью или за чем там она охотится.

На дороге остановилась женщина лет пятидесяти пяти, по-видимому, местная, в руках у неё были вёдра, она смотрела на Короедова и, не решаясь спуститься к роднику, что-то ждала.

– Сынок, ты пей, я подожду, – сказала она, заметив, что Семён её увидел, и поправила на голове платок.

– А почему надо ждать? Вы проходите, я – всё, – удивлённо отозвался Семён, а сам подумал: «Дело к сороковнику идёт, а для кого-то всё равно ещё «сынок». Приятно, когда случаются такие «рецидивы молодости».

– Ну как же, чать, у меня вёдры-ти пустые. Примета такая: баба с пустыми вёдрами навстречь – нехорошо, – объяснила местная.

– Да мне как-то поф... ну, в смысле не верю я особо в приметы, ничего страшного, проходите, – сказал Семён.

Женщина подошла и стала набирать воду.

– А ты, я смотрю, нездешний, – сказала она.

– Да вот, по делам здесь, проездом. Точнее – проходом, – скаламбурил Семён, а вы не подскажите, где здесь можно телефон зарядить? Позвонить надо, сказать, что задержусь по форсмажорным обстоятельствам. Машина сломалась, а мне сегодня в райцентр попасть надо. Мне бы только розетку найти.

– Телефон... Да хоть у меня можно, – предложила селянка, – если отселева, то второй дом справа. Вот и зарядишь свой форсмажорный. Чать, лектричества из розетки-ти нам не жалко. Меня Евдокией Григорьевной зовут.

– Семён, – представился Короедов.

– А где ж ты, Семён, трудишься?

– В городе, в администрации. Содействую.

– Кому ж ты содействуешь?

– Содействую я, как это сказать... В общем, содействую деятельности департамента по развитию, – с иронией и даже невольным оттенком паясничания ответил Семён. – Да вы вёдра давайте, помогу поднести...

Евдокия Григорьевна с неохотой рассталась с вёдрами, внимательно посмотрела на Короедова.

– Ну, вот и поглядишь как раз, какое тут у нас развитие... Развивамся, индаля плакать иногда охота. Работать тут людям негде (женщина сделала ударение – «людиАм»), раньше-ти ферма была, я там дояркой раньше, потом всё хозяйство разорили, колхоз разграбили. Мужиков у нас в Погребах нет почти, все на заработки разъехались. Да и с заработков не все возвращаются. Школу недавно закрыли, ребятишков в селе не осталось. Хлеб, продукты в сельпо вот завозят, спасибо. Я вот на пенсию недавно вышла, пенсию получаю. Огород есть, слава Богу. Корову держу. Сейчас у нас в селе скотины не осталось, а я вот держу. Привыкла я к коровам, не могу без них. По хозяйству одно, другое, так и день проходит. А если захвораю, так дочка у меня, Катерина, она лечит. Не врач, а лечит...

«На самом деле жизнь тут жуткая, – подумал Семён, таща вёдра, которые с каждым шагом становились всё тяжелее, – развлечься нечем, Интернета наверняка нет, была бы ещё здесь вообще мобильная связь, а то зря вёдра тащу и сам сюда зря тащусь... Топят дровами, их ещё нарубить надо, еда хоть и натуральная, за неё ещё погорбатиться придётся. Сортиры во дворе вонючие, с мухами летом, а зимой в них тоже не кайф. А мы ещё в городе на жизнь жалуемся, ноем. Как говорится, расскажи шахтёру, как ты устал на работе в офисе. Другими словами, расскажи деревенскому, как ты задолбался... Кстати, с этими вёдрами я точно задолбался. Они-то здесь привычные, выносливые, я давно ничего тяжелее ручки не держал. Пальцы всё больше к клавиатуре приучены, чем к лопате...».

Они открыли калитку и вошли в дом. Семён наконец-то поставил воду на пол в сенях (он подумал, что это сени), разулся, прошёлся по холодному полу в комнату, оглядел нехитрую обстановку. Там была настоящая русская печка, и хотя хозяева готовили на электроплите, печь, очевидно, грела дом зимой. Малые Погребы ещё не были осчастливлены газом. Стол, кровать, старая икона в углу. Бедно, но чисто.

– Вона розетка-ти, втыкай, – сказала Евдокия Григорьевна. – А может, молочка пока с хлебцем? У нас тут ещё пекарня работает, пекут хлеб хороший, настоящий.

– Не откажусь, – признался Семён, так как и вправду нагулял изрядный аппетит.

Он включил мобильник в розетку, зарядка пошла, но худшие опасения Короедова подтвердились: сети не было.

«Заповедник какой-то, – подумал Семён, – прошлый век...».

– Кать, у нас гости, – сказала хозяйка.

В комнату въехала молодая привлекательная женщина. Именно въехала – на инвалидной коляске. Если бы не эта коляска, не глубокий взгляд, она вполне могла быть на обложке глянцевого журнала. Но одета она была совсем не гламурно: лёгкий домашний халат, простая коса, тронутое художкой лицо, глаза с зелёным отливом, никакого макияжа. Босые неподвижные ноги.

– Здравствуйте, – сказала она. – Я – Екатерина, дочь Евдокии Григорьевны.

– Добрый день, – ответил Короедов. – Семён. Очень приятно.

Но «приятно», конечно, не было. Сочетание женской красоты и инвалидной коляски угнетало. Нависло тяжёлое бессловье.

– Вот молочко, попей. Парное, утром доила, – появилась хозяйка. – Садись вон за стол.

Молоко было прохладным, вкусным, хлеб – душистым.

– И мы вот с Катей тоже перекусим, – суежилась Евдокия Григорьевна.

Он подвинула стул к столу, дочь переместилась тоже поближе. Семён посмотрел на её руки – сильные, худые. Было видно, как будет выглядеть Екатерина лет через двадцать-двадцать пять. Семён сразу ощутил быстротечность времени, почувствовал себя убийцей этого

времени, безжалостным его транжиром. Чем он занимается, зачем? Ведь через эти двадцать-двадцать пять лет и вспомнить будет нечего. А тут ещё огромные старые часы настенные тикают невыносимо громко. И каждый этот «тик» был словно проявлением включённого счётчика бомбы, которая рано или поздно рванёт, и ни синий провод, ни красный уже не перекусишь, не поможет, остаётся сидеть рядом и обречённо ждать.

– Раньше-ти всё хорошо было. Школу она здесь кончила, в город поехала, в институте училась педагогическом, вернулась опять в деревню, говорит, здесь и работать буду, замуж тут вышла... А пять лет назад Катенька с мужем и дочкой на машине ехали и разбились, – заговорила после «тикающей» паузы Евдокия Григорьевна. – Пьяный мужик из соседнего села на грузовой летел, ну и вот... Серёжа и Леночка – насмерть, а она позвоночник повредила и так вот и осталась. Или уж судьба такая, а может, сглазил кто – не знаю...

– Мама, – Катя страдальчески посмотрела на Евдокию Григорьевну.

– Извините, – выдавил Семён, не зная, что сказать. Любое слово было бы неуместным.

– Ну, вот так и живём, жить-то надо. Ну, местный собес помогает, коляску вот хорошую дали, спасибо. Муж у меня, слава Богу, жив-здоров, сейчас к Петровичу пошёл. Соседи у нас хорошие, тоже ежели чего...

При всей вкусоте хлеба и молока они встали комом в горле. Семейные фото смотрели со стены, там все улыбались.

– Да ты кушай-кушай, сынок, я ещё молочка налью.

Это второе за сегодня «сынок» тронуло Семёна почти до слёз. Будто его, незнакомого случайного человека, приняли в семью, почти усыновили и будто заместили им, Семёном, погибших...

– Была у меня детская коляска, а теперь вот такая, – сказала, глядя в окно, Катерина.

– И что? Ничего нельзя сделать? – спросил Семён.

– Медики сказали, нужно много денег... Очень много... Тогда можно попробовать сделать операцию за границей, в Германии. Тогда есть шанс.

– А ещё у Катеньки после этой беды дар открылся, – сказала Евдокия Григорьевна. – Она стала людям помогать, лечить их. Приходят к ней. А ещё она видит, что с ними будет наперёд. Вона чего оказывается...

Семён опешил. Она? Она – и лечит?

– Да, есть немного такое, – сказала Катя, – так что если интересно, могу посмотреть, что тебя беспокоит. Раз уж попал к нам.

– Почему бы нет, – Семёну стало просто любопытно. «Битый небитого везёт», – вспомнилась ему фраза из сказки про лису и волка.

– Давай-давай, худого не будет, – приободрила Евдокия Григорьевна.

– Раздевайся до пояса и садись на этот стул, – сказала Катя уже уверенным, ровным голосом.

Катерина закрыла глаза и стала водить руками рядом с телом.

– Ну, в общем так: проблема с поджелудочной, печень не совсем в порядке. Поменьше копчёного, солёного, жареного. Со спиртным аккуратней, пореже. Немного смещён один позвонок... А ещё что-то тебя томит, с работой связано. Как будто постоянно какой груз в себе носишь.

– Ну, да, – отозвался Семён, – как не выпивать при таких начальниках...

Катерина стала словно бы собирать то грязное, что невидимо окружало Семёна, быстро шепча, а потом – бросила это незримое в миску с водой. Той самой, с родника. Евдокия Григорьевна сразу взяла эту посудину и вынесла, вылила воду в огород. Закончила шёпот Катерина словами молитвы.

– А ещё попей березовый гриб чагу, есть у нас сушёный, будешь заваривать. Потому что почистить тебе надо организм. Как трубы рано или поздно надо прочищать, так и в человеке.

– Ладно, – сказал Семён, хотя очень сомневался, что будет употреблять внутрь этот нарост на деревьях.

– Могу сказать, что тебя ждёт в ближайшие годы, – сказала Катерина и прикоснулась к его запястью. Ладонь оказалась очень теплой, даже горячей. От неё исходил словно ток. У Семёна слегка закружилась голова, и перед глазами с бешеной скоростью понеслись картинки из его жизни. Пока – из прошедшей её части. Вот он, восьмилетний пацан, гоняет в футбол у себя во дворе, обводит одного, второго, падает, получает синяк на коленку, слышит голос матери: «Сё-ма! У-жи-нать!». А вот он сидит за партой, плюется из трубочки бумажными шариками. В него тоже летят такие комочки, всем весело, кроме учительницы. Она ругается, грозит вызвать родителей. Потом – он на черноморском побережье, накануне был шторм, Семён входит в волны по крупному песку, а вокруг – медузы, как сгустки киселя, и касаться их противно. Вдали – прогулочный корабль, море – до горизонта, пахнет кипарисами и шашлыками. Вода солёная, выталкивает из себя. В ладони – ракушка... Ещё воспоминание – старшие классы, школьная дискотека, актовый зал, в колонках ритмуется заводная песня, включается медляк, все сразу жмутся к стенкам, стесняются пригласить девчонок... Ещё из вспышек сознания – он мчит на мотороллере, ему семнадцать, ему хорошо и свободно, он ни о чём не думает, может, разве о том, что в гараже употребит с друзьями чего-нибудь согревающего и они пойдут шататься по вечернему городу в поисках этакого...

– ...Не надо, я, наверно, не хочу знать, что будет, – сказал Семён и осторожно отвёл свою руку от ладони Катерины.

– Это правильно. Когда не знаешь, – больше шансов это будущее подправить. Поэтому, я хоть теперь твоё знаю, а говорить тебе не буду. Одно тебе скажу – меньше злись, день пришёл – старайся радоваться ему. Вот увидишь – так тебе легче будет.

Семён кивнул и словно вышел из оцепенения.

– У меня телефон уж, наверно, достаточно зарядился, – сказал он и начал прощаться. Катерина улыбнулась ему и помахала рукой.

– Ты там, в администрации-ти своей, скажи, чтобы по нашей улице дорогу сделали. А то как дожди начинаются, никто сюда проехать не может. Ни «скорая», никто. А как захворат кто, не знай, чё и делать. Тут по нашему порядку одне старики живут.

Евдокия Григорьевна протянула Семёну пакетик с сушёным грибом чагой.

– Возьмёшь небольшой кусочек гриба, положишь его в чайник, зальёшь кипятком. Пей как обычный чай, с сахаром, а лучше с мёдом, – напутствовала Короедова Катерина. – И больше ходи пешком. Своими ногами.

– Спасибо вам за всё, – сказал Семён и шагнул за дверь. И чуть не получил по лбу черенком от граблей, на которые наступил. «Очень символично...», – подумал он.

Короедов снова шёл по дороге, в надежде тормознуть попутку. По сторонам располагались домишки, из многих уже ушла жизнь, они заросли крапивой и прочей кустистой зеленью, окна были заколочены. Семён достал из сумки пакетик с древесным грибом. «Прямо как в сказке про Алису, – подумалось Семёну, – откусишь один раз – вырастешь огромным, откусишь с другой – станешь мелким-премелким. Только вот знать бы, с какой стороны откусить. Жаль, что у меня нет какого-нибудь занюханного цветика-семицветика, с одним лепесточком, чтобы Катя снова стала ходить. Да кто я такой, чтобы приказывать ей: «Встань и иди!»?.. Нет, надо мыслить реально, надо написать письмо в министерство социальной политики, поднять связи. Есть же какой-нибудь способ собрать деньги на лечение, есть же всякие благотворительные фонды, программы... Надо этим заняться. И вот он уже представил, что с Катей всё хорошо, что она здорова, счастлива, что они становятся близки, что между ними разгорается страсть...

В центре села расположилась полуразрушенная, но величественная церковь с пятью куполами, без крестов. С рыжих кирпичей давно была содрана, как шкура с пойманного зверя, штукатурка, окна и вход зияли пустотой. Очередная жертва борьбы советской власти с Богом.

Понятно, что силы были неравными, и церковь, хоть и поруганная, устояла, а вандалы уже давно не значились в списках живых.

Семён ради любопытства залез внутрь. На обшарпанных стенах кое-где сохранились бледные фрески, особенно под куполом. На земле валялись доски, кирпичи, осколки бутылок. Тут он заметил икону Троицы, которую наверняка недавно принесли и прикрепили на стену местные. Рядом была воткнута свеча. Семён достал зажигалку и высек огонь. Свеча, нехотя потрескивая, загорелась. Минута тишины.

И вдруг её взорвал звонок мобильного. Семён аж вздрогнул от неожиданности. Видимо, телефон нашел сеть, и связь установилась.

Номер был незнакомый.

Неизвестно почему, но при горящей свече Семёну говорить по телефону не хотелось.

– Да, – ответил Семён, задув пламя.

Дым от фитилька мгновенно заполнил легкие. Он имел привкус табака с вишней...

– ...Ну, чё, пошли, второй тайм начинается. Хрен знает, отыграются наши футболисты, нет ли.

Голос Сомова звучал из-за спины, хотя поначалу показалось, что как будто из телефона. Короедов стоял на балконе, курительная трубка в его руке дымилась, сумерки медленно и неотвратимо наступали...

Семён с тоской и презрением к себе ясно осознал, что никакие «связи» им так и не были подняты и что они никогда подняты уже не будут. Что мысли про «благотворительные фонды и программы» так и останутся немymi, невылупившимися словами. Что «скорая помощь» так и будет застревать в осенней грязи на дороге в Малых Погребках.

– Слышь, Колян, ты это, без обид... Я – домой. Не буду я досматривать. Не на что там особо смотреть, – сказал Семён товарищу.

– Как знаешь, без проблем, – ответил Сомов. – Смотреть там и правда нечего. Только за вискарь вложись, как договаривались... Такие бабосы получают, я прикинул: сто долларов в минуту! А ходят по полю пешком!.. Инвалиды!

«Осенний выдержан регламент...»

Осенний выдержан регламент,
и снег пока не белобрысит.
Сегодня я изрядно занят:
веду реестр опавших листьев.

Они сдаются все в архив,
в который вряд ли кто заглянет.
И ветер-бюрократ охрип.
Осенний выдержан регламент.

Пульсировал в них сок и мёд,
а нынче – пущены на ветер.
Их ждёт земля, потом – сжуёт,
им ничего уже не светит.

Все листья описи подверг.
Декабрь стучится. Да, войдите!
Я просто бесполезный клерк,
и ветер – мой руководитель.

ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

Ленка Сумчатая

У неё была вымирающая профессия – почтальон. И жила она в деревне Грибовке, которую местные невесёлые шутники называли Гробовкой, потому что похороны в ней случались гораздо чаще, чем появления на свет. Самих шутников становилось всё меньше, потому что юмор, равно как и все другие признаки человеческого бытия, здесь постепенно таял.

Грибовка не могла оставаться в стороне от того, что в первом десятилетии двадцать первого века люди почти перестали писать друг другу письма, то есть старым способом, ручкой на бумаге, от того, что они перешли от сложных повествований и сочинений к молниеносным и кратким сообщениям, и даже само слово «сообщение» сократилось до трех букв – СМС. Теперь все прилагаемые к бездушно-электронному тексту чувства умещались в нехитрый перечень смайликов, жёлтых рожиц, обозначающих радость, восторг, огорчение и некоторые другие разрешенные производителями электронных устройств эмоции. Появилась возможность видеть собеседника, где бы он ни находился, почти в любом месте Земли.

Об этом нередко задумывалась Лена, коренная, так сказать, грибовчанка. Размышления были примерно такие: «Вот раньше если захотел почитать книгу, живую, бумажную, – идёшь в библиотеку, сидишь в читальном зале, шелестишь страницами, а они пахнут этой самой библиотекой, клеєм. Теперь нажал на экран, как сейчас говорят подростки, девайся – и читай, хочешь – слушай, хочешь – видео смотри... А в том-то и дело, что не хочешь. Уж очень доступно всё. Не надо сдавать килограммы макулатуры, чтобы получить „Графа Монте Кристо“ или избранное собрание сочинений Достоевского. Чтобы потом с гордостью показывать гостям книжный шкаф, вот, мол, какие книги достал. Еда всегда вкуснее, если голодный, избалованный. И с письмами – так же. Лист бумаги, неповторимый почерк человека, который для тебя важен, почтовый ящик, потёртый, железный, который открывается с таким скрипом, и почтальон, живой, настоящий, вроде меня, у которого в сумке письма, письма, среди которых есть, может, самое важное... Сегодня в почтовых ящиках – пустота. Их содержимое переключалось в другой, виртуальный, мир. А они, ящики, ещё остались, скрипят, как старики, ворчат и вспоминают, какие письма, какие газеты и журналы попадали в их всегда теперь незаполненное брюхо».

В Грибовке и окрестностях её звали по-разному: Ленка-почтальонша, Леночка-почтальон, в зависимости от того, как к ней относились жители и какие послания она им приносила. А ещё некоторые за глаза называли её Сумчатой – из-за привычки носить довольно внушительную сумку на животе. Вот уже семь лет она работала на почте и таскала эту сумку из кожаного заменителя, и даже под её грузом приобрела чуть заметную сутулость. И когда ей подружка-ровесница Наташа, двадцатидевятилетняя продавщица из местного сельмага, говорила: «Ну, чего ты за эти копейки горбатишься?» – то смысл получался и прямой, и переносный. И чтобы совсем отточить образ, Наташа добавляла: «Вот ради чего? На Доску почёта тебя не повесят, премию не дадут. А наградят ты, Ленок, орденом Сутулова!». «Надо же кому-то почту носить, – отвечала обычно Лена. – Да и куда я пойду с двумя детьми?». И действительно: в селе вариантов больше не было, уехать в город – невозможно, детей оставить нельзя, да и боязно было той городской жизни. И чем дальше, тем боязней.

Да и некогда было думать Лене о карьерных прорывах, благосостоянии, революциях в личной жизни или манне небесной. Вставать приходилось рано, собирать младшего Женьку в детский сад (в Грибовке было дошкольное учреждение, куда приводили аж восемь детей). Бывать он там ох как не любил, потому что воспитательница, толстая тетя Фрося, всё время

говорила: «Смотрите, не обкакайтесь у меня!». И там кормили противным омлетом и тошнотворным молоком с пенками. Несъеденное громогласно подвергалось обещанию «вылить всё это за шиворот». Поэтому сонный Женька хныкал, гундосил, распускал сопли, не мог попасть рукой в рукав рубашонки.

Старшая Анька, второклассница, просыпалась сама под пение недорезанных петухов, тоже нехотя одевалась, заглядывала в приготовленную с вечера школьную сумку. Ей опаздывать было нельзя: учиться приходилось в соседнем селе Петровском, более крупном, где базировалась администрация поселения. В Петровское свозили ребят из окрестных деревень, грибовская школа была закрыта областным начальством «в рамках оптимизации общеобразовательной сети и в целях повышения качества общего образования». Некоторые учителя из Грибовки вместе с детьми ездили в Петровское на одном микроавтобусе. Поначалу Лена боялась отпускать дочь, да деваться было некуда.

Хорошо, что с ними вместе жила мама Лены, Полина Ивановна, её в селе все звали «тётя Поля», она помогала: и детей накормить, и в садик отвести младшего, хотя у самой суставы болели и давление скакало так, что иногда даже сознание терялось. Понятно, что денег ни на что не хватало, ни пенсии тёти Поли, ни зарплаты почтальонской. Кто же будет хорошо платить, если профессия вымирающая...

Ну, а с мужем своим Лена никогда особо счастлива не была, разве что до свадьбы, когда с таким томлением ждала ночи, чтобы ускользнуть из дома и шататься с Сашкой по окрестностям, наслаждаться всяческими запретными плодами. Это была свежая, гибкая, безбашенная молодость, дурманящая пахучей новизной, безбрежностью будущего. Но, как это бывает, расплескать её получилось быстро. Саша затосковал, стал всё больше и больше пить. Остатки бывшего колхоза окончательно растащили, работы в селе не было. Его это злило, особенно когда на свет появилась Анечка. Ссоры, скандалы, упрёки. Однажды Саша чуть не умер от палёного спирта, который распили с мужиками.

Едва спасшись от объятий того света, Саша, будучи не на шутку напуган, решил завязать, месяц ходил мрачный и трезвый. Но делать всё равно было нечего. Или не совсем так: дел было выше крыши, в деревне-то только поспевай, только заработать было невозможно. Вот и решил он податься вахтовым методом в Ханты-Мансийск, в «нефтянку», как уже сделали несколько молодых грибовских мужиков. Правда, вот что его сдерживало: жёны «вахтовиков» стали погуливать, не всецело посвящая себя ожиданию своих благоверных.

Конечно, благоверность уехавших тоже была сомнительна. Поэтому тут уж было так: куда ни кинь – везде клин: здесь в нищете жить невыносимо, всем вместе уехать нельзя. И с долгими рабочими командировками семьи распадались естественным образом. Так произошло и с мужем Лены: поначалу он привез неслыханную сумму, но она вскоре растаяла – на детей, на одежду, на новый мобильный телефон, хотя сотовый сигнал в селе был неважнецкий. Второй раз полярная северная ночь проглотила Сашу и переварила. Он попросту исчез. Оставил ей только свою фамилию «Касатонов» – и исчез. И вот уже полтора года от него не было ни слуху ни духу.

Поговаривали, что он завёл себе богатую женщину и уехал с ней в другой город, а то и за границу. Наташа, забегавшая нередко к подруге поболтать, высказывала версию, что он там спился и бомжует. Заявление в полицию (которую здесь по старой привычке упорно продолжали называть милицией) о пропаже человека не сработало. Как говорят, план «Перехват» результатов не дал. А жизнь шла своим чередом, шла мимо, кого подбадривая, а кого и втоптывая в землю.

Вот и осталась Лена ни вдова, ни жена, и вроде как несвободная. Всё реже дети спрашивали: «Мам, а когда папка приедет?». Всё меньше находилось в потоке мыслей места для уехавшего на Север человека. И рванула бы на поиски, как жена декабриста, по его следам, да как детей на шее у бабушки оставишь? Случится что – и как дальше? И вот уж полтора

года ни одного мужика к себе близко не подпускала: и страшно, и стыдно, и надежда на возвращение крохотная оставалась, хотя порой Лена думала, что уж и не надо никакого возвращения, ничего из этого хорошего не выйдет. Нечто подобное двенадцать лет назад произошло и с её отцом: он просто переехал в другой район без объяснения причин. Некоторые умники назвали бы это кармой.

Место работы Лены, точнее, её эпицентр, находилось в Петровском. Там, в местном отделении «Почты России», она каждое утро получала корреспонденцию, чтобы разнести по селу (с недавних пор оно официально стало именоваться «Петровское сельское поселение») и окрестным деревенькам. Своей машины у почтового отделения в Петровском не было. Если везло, то везло, местные попутки обычно Сумчатую не обижали.

Пройдя адреса по Петровскому, Лена шла за три, четыре, шесть километров: в деревню Избенки, где доживали свой век одиннадцать бабушек, приходилось ковылять через лес в Марьино. Рассказывали, что на этой дороге можно встретить волков, которые в последнее время расплодились и нападали на овец и телят. А ещё болтали, что именно на Марьинской просеке ночью видели свинью с человеческими глазами. И будто мальчишки из Петровского загнали её, изловили и отрезали ухо. На следующий день вроде у старой бабы Вали Терёхиной было ухо платком замотано. Про неё же ходили слухи, что она в сарае с бесами водилась, раздевалась, кувыркалась через двенадцать ножей и обращалась в свинью.

Но Лена, хоть и пугалась таких рассказов, знала, что всё это чушь, что баба Валя при жизни была добрая старушка, которая страдала потерей памяти и была в последнее время совсем глухая. Лена помнила, как носила ей пенсию, как она всё порывалась угостить Лену «чаёчком». Одинокая-преодинокая, потерявшая молоденького мужа в конце войны. Лена шугала мальчишек, которые залезали к ней в сад поживиться яблоками, сидела и слушала её воспоминания, всю её «бывалошную жизнь». «Добрые» у нас люди, любят за глаза говорить. Надо же, двенадцать ножей...». Впрочем, невольно Лена, сидя за чаёчком, искала глазами ножи, смотрела на повязанный платок и потом ей становилось стыдно за эти мысли.

Нет, людей Лена боялась больше, чем волков и оборотней. В прошлом году на дороге в Грибовку к ней пристали незнакомые пьяные подростки и отобрали сумку. Там была пенсия трех грибовских бабушек, они её забрали. Сумку вернули, полоснув по ней ножом; до сих пор эта рана у сумки не может зажить, и очевидно, никогда не заживёт. Тогда Лену будто парализовало, она боялась, что её пырнут, что её будут помогать. Но юных налётчиков интересовали больше деньги на выпивку. Потом Лена очень переживала, что не вступилась за эти пенсии, что не закричала, не позвала на помощь.

А ещё она до дрожи боялась свою начальницу, которая руководила почтовым отделением в Петровском. Это была классическая стерва, безмужняя, высокомерная Ольга Вениаминовна, которая не разговаривала с людьми, а отчитывала их. Она носила один и тот же синий костюм, строгую длинную юбку, зато причёска всегда отличалась жутким разнообразием: то она накручивала себе какие-то воланы, то сооружала на голове почти египетские пирамиды, то перекрашивалась в разные цвета. «Петровское отделение! – говорила она в трубку со смесью официальности и презрения. – Выражайтесь яснее, по существу! Женщина, ничем не могу вам помочь! Вы что, меня не слышите? Я русским языком говорю: ничем, слышите, ничем не могу вам помочь!».

Как она орала после того случая с подростками! Грозилась уволить, называла безответственной, безалаберной, и так в несколько заходов за полчаса, как рыба-пила. В итоге Вениаминовна заставила написать Лену объяснительную, а бухгалтерии поручила удержать сумму утраченных пенсий из её зарплаты. И хотя деньги были в общем небольшие, но двухмесячный заработок Лены накрылся медным тазом. Вечером со слезами обиды и стыда она просила в долг у Наташи.

– Гнида эта твоя Вениаминовна, – говорила Наташа. – Одолжу, конечно, о чём говорить. Отдашь, как сможешь. У самой твоей начальницы ни детей ни плетей, вот и злая как собака. Нашла кого обижать, Ленка моего!

Она обняла растерянную и благодарную подругу и предложила: «А давай на неё порчу наведём! Я это быстро! Поговорю кой с кем, и все её крашенные волосья повыпадают! Глядишь, и собьём спесь с неё!».

– Что ты! – запротестовала Лена. – Как это можно! Она же несчастная женщина, если разобраться...

– Себя бы пожалела! – возмущалась Наташа. – Ты, я смотрю, у нас больно счастливица! Ну, ладно, но смотри: ещё она тебя так обидит раз, устрою я ей танцы с саблями... А своему скажу, чтобы тебя до Петровского на машине подбрасывал, старайся туда больше ногами не пёхать...

Всё же Наташа – молоток. Прямо не подруга, а круг спасательный.

– Надо тебе, мать, газовый баллончик раздобыть. Пшик – в харю, и всё! – продолжала она рассуждать.

– Ну, куда мне, Наташ, я ещё с перепугу в себя прысну. Ну, в одного попаду, а другие? И куда я потом от них с сумкой сбегу?! «С толстой сумкой на ремне». Да и не смогу я человеку в лицо, в глаза...

– Человеку! В лицо! – передразнивала её подруга. – Кабы человек был с лицом, а то гадёныши тупые, так и придушила бы вот этими руками! Поколение пепси...

Наташа показывала свои руки, сильные, нешуточные. Эти руки не раз отвешивали «по щам» мужу-выпивохе, плюгавенькому типчику абсолютно недеревенской внешности. Как и почему они до сих пор жили вместе – это была одна из загадок мироздания. Может, потому что она продавала в сельмаге продукты, а он их туда привозил из райцентра на уазике, тоже «бывалошном» и глухом, как баба Валя. То есть всегда глох, и достучаться до него – надо было постараться.

Рядовой Парамонов

Стояло солнечное Вербное воскресенье, Лена накануне срезала несколько веточек, которые теперь пушистились на столе в вазочке. В приоткрытое окно врывается воробьиный гомон, и эти незатейливые птички, казалось бы, серые, сегодня трубили, ликовали, шумели, словно единственный раз им позволили расслабиться, покричать, вволю наворобьиться, прервать свой предначертанный жизненный путь праздничным воплем, который, конечно, мало кто заметит, никто не оценит, но это неважно, неважно, потому что этот крик – самое главное из того, что останется от этих птах. А солнце? Оно впервые за год лизнуло своей атомной энергией землю, и там, под коркой ошпаренного снега, очнулась трава, взбодрилась почва и тоже впервые задумалась, какому растению дать ход, а какое придушить как бесполезный сорняк.

Домашних дел за неделю накопилась уйма: надо было начинать вскапывать огород, натопить баню, постирать бельё, приготовить с Аней уроки на завтра. Полина Ивановна, склоняясь над швейной машинкой, пыталась прострочить шов, несмотря на дрожащие руки. Женька ползал по полу и, перевоплощая в своём воображении кусок деревяшки в машину, сосредоточенно двигал её по невидимой дороге и пускал слюни.

Лена вышла за водой до ближайшей колонки. Захлопнув калитку, она с удивлением приметилла листок бумаги, выглядывающий из почтового ящика. «Это что же, почтальон здесь я, а тут какое-то послание – мне». Лена поставила вёдра на землю, с легким скрипом открыла рот металлического ящика и достала письмо. Её удивление росло стремительно: это был старый конверт аж времён «Почты СССР», 1980 года с портретом полководца Александра Суворова. На нём выцветшими чернилами были выведены индекс Грибовки и адрес Лены: «Заречная, 28», но никакого штампа, оттиска или печати, которые позволили бы определить почтовое отделение, не было. А в графе «Индекс предприятия связи и адрес отправителя» значилось: «В/ч 1941, Николай Парамонов, до востребования».

«Кто такой Николай Парамонов? Почему мне? Что за конверт, который лет 25 как не используется для почтовых сообщений?». Пальцы почувствовали, что внутри конверт не пустой. Лена посмотрела сквозь него на солнце, но толком ничего разглядеть не смогла. Охваченная любопытством и удивлением, она сходилла за водой и, скрываясь от детей и матери, оторвала краешек конверта и извлекла оттуда листок бумаги, сложенный вчетверо, который на вид был ещё более древний, чем конверт. Он словно вырван из какой-то забытой тетради в линейку, с грязными разводами и пятнами. Ощущение, что это письмо из школьного музея. Почерк – рваный, поваленный вправо, словно старый деревянный забор. Стала читать:

«Здравствуй, Лена.

Меня зовут Николай. Мне так и видится твое лицо, видишься ты, не понимающая, что это за письмо. Очень прошу, не выбрасывай его сразу, дочитай до конца. Я долго, очень долго, боялся тебе написать, потому что всегда был нерешительным, но мне уже терять нечего. Там, где я нахожусь, очень скучно, да и родственников у меня нет, потому что я детдомовский, хотя родом, как и ты, из Грибовки. Просто мне бы очень хотелось, давно хотелось, чтобы кто-то знал, что я, скажем так, существую. Писал мне письма. Вспоминал обо мне. Иногда я представляю, почти вижу, как ты возишься с детьми, идёшь на работу со своей сумкой, нетребовательная, одинокая, незащищенная, мне хочется сделать для тебя что-то хорошее...».

Лена испуганно осмотрелась по сторонам, хотя ничего нового вокруг не произошло. В глазах помутилось, по спине побежали мурашки. Сердце билось, словно строчил пулемёт. Это просто какой-то бред. Она глубоко вдохнула и вновь впиалась взглядом в покосившийся забор почерка...

«Я очень далеко. Вряд ли мы встретимся по-настоящему, ну, точно ещё долго не встретимся, поэтому ты можешь быть спокойна. Я вот чего осмелюсь тебя попросить, да, это стран-

ная просьба, да, я понимаю, что, скорее всего, ты мне откажешь. Но всё равно: я тебя прошу иногда писать мне. Немного, пусть несколько строчек, можно нечасто, хоть раз в год, но даже от этого мне будет радостнее. Письма опускай в свой почтовый ящик на калитке. Прости за то, что потревожил. Если нет, не обижусь, значит, так тому и быть. С поклоном и надеждой на ответ, рядовой Николай Парамонов».

Лена сложила листок в конверт и спрятала в карман. Занеся ведра в дом, она спросила:

– Мам, не видала, к нашему почтовому ящику никто не подходил, никакие бумаги в него не кидал?

– Что ты, Леночка, – откликнулась Полина Ивановна, – кто ж в него чего положит? Ты ж у нас почту разносишь по ящикам, аль нет?

– Ну да, ну да, – растерянно бормотала Лена, глядя на Женьку, который, раздобыв какую-то палку, прицеливался и стрелял из неё, будто из винтовки: пш-пш!

Она села на диван, с минуту помолчала и снова спросила:

– Мам, а у нас в Грибовке Парамоновы никогда не жили?

– Парамоновы? Не знай, дочка, не было у нас никогда таких... Вроде в Марьино жили раньше давно, щас-то нет... У нас точно не было. Да ты сама лучше меня все фамилии знаешь, списки там у вас на почте есть... А чёй-то ты какие вопросы задаёшь, за водой она сходила. Может, тебе там голову напекло?

– Да я так просто. Просто так, – забормотала Лена. – Спущусь в погреб за картошкой!.. Просто так.

Она спрятала странное письмо на дно своей сумки и спустилась в погреб. «Ничего не понимаю, – думала Лена. – Выглядит всё как розыгрыш, сейчас же можно всё подделать, бумагу обработать, типа под старину стилизовать. Но кому это надо, зачем? Первое апреля прошло. Кому-то романтики захотелось, слова такие...». Она выбралась в комнату с пакетом картошки и услышала голос матери:

– А вроде был перед войной, говорят, у нас какой-то Парамонов, сирота. Родителей то ли раскулачили, то ли умерли они. И вроде он пришёл после детского приюта в колхоз работать на трактор. А как война началась – так на фронт ушёл со всеми мужиками, молоденький совсем.

– И что? – спросила Лена и почувствовала, что у неё холодеют руки.

– И, говорят, сгинул там, пропал без вести.

– А звали его как?

– Ой, не помню, дочка, может, Михаил, а может, Николай, не помню. А чтой-то вдруг про него заговорила?

– Да так, интересно просто. Просто интересно.

С этого дня Лена выуживала со дна своей сумки конверт, перечитывала письмо по нескольку раз и в недоумении прятала обратно. И ни с кем она не решалась поделиться этой тайной, даже с близкой подругой Наташей, и письмо это словно жгло, оно как будто делало сумку тяжелее, словно и не лист бумаги это, а бандероль или посылка, которую и бросить нельзя, и отдать никому невозможно.

«Если это шутка, то не смешная и даже жестокая шутка», – думала она.

Почтальон Пушкин

– Та-а-а-к... Опять наше высочество не соизволило явиться на работу вовремя, – встретила Лену Вениаминовна интонациями, не предвещавшими ничего хорошего.

– Простите, Ольга Вениаминовна, автобус задержался...

– Значит, я, недостойная, на работу не опаздываю. А почту за тебя кто разносить будет, Пушкин, что ли? У тебя сегодня три бандероли, 17 извещений, 13 писем, и не только по Петровскому...

– Я всё сделаю, Ольга Вениаминовна.

– Смотри у меня, Касатонова. А что если проверка придёт, а тебя на месте нет? Мне что, прикажешь изворачиваться, врать, что ты корреспонденцию разносишь? Ты хочешь, чтобы я за тебя перед руководством краснела?

Лена представила пунцовую Вениаминовну, опутившую взор в пол, а перед ней самого Президента, сидящего за столом, постукивающего по нему пальцами. «Так-так, как вас там, Ольга Владимировна, если не ошибаюсь...». – «Вениаминовна». – «Значит, Вениаминовна. Я вот не пойму, почему вы, вполне себе ответственный работник «Почты России», заставляете своих подчинённых исполнять несвойственные им профессиональные обязанности? Почему вы как руководитель начального звена не организовали работу Петровского почтового отделения надлежащим образом?». «П-почему, я всё организовала, вот у меня в кабинете и портрет Ваш висит, и отчётность в порядке, и бухгалтерия, и журнал поступлений ведётся... Даже грамота у меня от Минсвязи имеется за плодотворный многолетний труд на поприще, то есть во благо и в связи с юбилеем...». «Это всё, конечно, хорошо, Ольга Владимировна». – «Я Вениаминовна...». – «Тем более. Поэтому как Президент России, который тоже вынужден пользоваться услугами «Почты России», хотел бы вам указать на ряд недостатков, а в отдельных случаях и существенных недоработок. Возьмём хотя бы вашу, с позволения сказать, кадровую политику. Почему у ваших подчинённых зарплаты маленькие, почему вы заставляете их писать кучу ненужных бумажек, почему вы принуждаете сотрудников продавать всякую ерунду типа стиральных порошков, моющих средств и зубной пасты, какое отношение это имеет к почте? Почему в соседние населённые пункты ваши сотрудники ходят пешком? Почему у вас люди стоят в очереди с извещением, чтобы получить письмо, и ещё неизвестно, получают они его или их просто обхают? Почему у вас тут, в Петровском отделении, реклама всяких микрозаймов «до зарплаты» и для пенсионеров? Они и так все в долгах и кредитах, вся Россия парализована этими «легкоденьгами», а вы ещё и на почте это впариваете?! Так что, Ольга, как вас там по отчеству, я как Президент Российской Федерации объявляю вам строгий выговор с занесением». – «Мы исправимся, мы исполним все Ваши указы и поручения, мы станем образцовым отделением», – лопочет красная Вениаминовна. «Устал я от вас таких, – машет рукой глава государства. – Да что уж взять-то с вас, если тут до сих пор Пушкин корреспонденцию разносит...».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.